

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ВЗЯТЬ ЖИВЫМ
МЁРТВОГО

Тайный сыск царя Гороха

Андрей Белянин

Взять живым мёртвого

«АЛЬФА-КНИГА»

2017

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Белянин А. О.

Взять живым мёртвого / А. О. Белянин — «АЛЬФА-КНИГА»,
2017 — (Тайный сыск царя Гороха)

ISBN 978-5-9922-2495-5

– Не позволю казнить Бабу-ягу! – орал царь Горох, топая ногами так, что терем шатался. Но судебное постановление из Нюрнберга у нас на руках, да и бабка по юности много чего в лесах накуролесила, так что старое дело о якобы съеденном ею принце Йохане легло на наши плечи. И чтобы доказать невиновность нашей бабушки, всей опергруппе придётся ехать аж в Европу! Ну да где наша не пропадала! И тут бы не пропала, если б не скандальный дьяк и «волчий крюк»...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2495-5

© Белянин А. О., 2017
© АЛЬФА-КНИГА, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	38
-----------------------------------	----

Андрей Белянин

Взять живым мёртвого

Меня разбудил петух.

Сколько раз я обещал себе расстрелять его перед строем без права на последнюю сигарету?

Но первые «ку-ка-ре» уже прогремели, а пока последнее «ку!» ещё не до конца отозвалось эхом на всё Лукошкино, моих губ нежно коснулись губы Олёны. Как же чудесно, когда утро начинается с поцелуя любимой...

Я немного вернусь назад (кто-то объяснял мне, что в художественной литературе так принято), возможно, эта книга попадёт к читателю, который ничего не знает ни обо мне, ни о милицмейской службе, ни о всей нашей героической опергруппе? Хорошо, играем по вашим читательским правилам.

Итак, представляюсь, я – Ивашов Никита Иванович, родился и вырос в Москве, выпустился младшим лейтенантом милиции и во время общегородских учений полез не за тем, не в тот дом, не в тот подвал, а наружу выбрался уже в другом мире. Как говорится, добро пожаловать к нам, в сказочную Русь правления царя Гороха, в стольный град Лукошкино!

Расквартирован в тереме настоящей (зуб даю!) Бабы-яги. Милая старушка с жуткой улыбкой, чуть прихрамывает на костяную ногу, возраст – лет за триста, полагаю; ещё у неё есть большущий чёрный кот и хозяйственный домовый Назим из горного Азербайджана. Кстати, сама бабка на пенсии, со скуки втянулась в наши милицмейские расследования, и, скажу я вам, лучшего эксперта-криминалиста на всём белом свете не найдёшь!

В том же тереме как-то ухитрилось разместиться всё наше отделение: тут и допросная, и поруб во дворе для особо буйных, наш архив за печкой, конюшня со служебным транспортом (рыжая кобыла и волшебная Сивка-Бурка), а ещё по двору марширует стрелецкая сотня Фомы Еремеева, которую в народе давно милицмейской прозвали. Серьёзные ребята, почти спецназ.

Ещё у нас есть Митя. Легендарная личность. Фигура молодого Ильи Муромца с умственным уровнем Карлсона. У него даже моторчик жужжит в одном месте, спокойно жить не даёт, ни дня без приключений, и уж если Митька куда влипнет, то не по помидоры, а сразу по грудь! Во всём прочем – свойский парень, добрый, верный, и отделение для него дом родной. Вроде всё?

Ох нет, я же ещё женился недавно, мы потом даже в свадебное путешествие на Стекланную гору ездили. Весело, конечно, но желания повторить как-то нет.

– Никитушка, Олёнушка, идите уже, завтрак стынет!

– Иди, иди, – ласково подтолкнула меня молодая жена, в прошлом профессиональная бесовка на службе Кошца Бессмертного.

Это у нас, если кто забыл, такой криминальный авторитет. Если взять все резонансные преступления за последние сто – сто пятьдесят лет, то практически за каждым будет маячить зловещая тень этого гения преступного мира. Он далеко не дурак, образование имеет отменное и мог бы быть полезным членом общества, если бы не его маниакальные наклонности и уверенность, которую он лично культивировал в себе с младенчества, что законы не для него писаны.

– А ты?

– А я причешусь и за тобой.

– Нет, давай я тебя здесь подожду.

– Никитушка-а! – На этот раз в бабкином голосе прозвучали далёкие отголоски близкой раздражительности.

После нашего последнего дела Яга вернулась в Лукошкино молоденькой горбоносой красоткой. Но по непонятным для меня причинам оставаться таковой не захотела, добровольно вернувшись в старый облик. Хотя... не знаю... возможно, она и права, жить с молодым телом и умом трёхсотлетней старухи – это... Нет, у меня в голове не укладывается.

Да и, честно говоря, к классической Бабе-яге мы уже все как-то привыкли. Притерпелись и даже по-своему любим. В общем, мне и вправду лучше поспешить вниз. В третий раз бабка звать уже не станет, сама прибежит с топором.

– Доброе утро, бабуль. – Быстро сбежав по лестнице вниз, я чмокнул Ягу в морщинистую щёку. – Олёна скоро будет, причёсывается. Что у нас на сегодня?

– Ну, по первому делу кашку пшеничную с ветчиной домашней откушай. – Бабка усадила меня за богато накрытый стол. – Хлеб свежий, расстегаи рыбные только из печи, сметанка к блинам с маслицем да чай с мёдом!

– Я лопну.

– Пузо зашить – дело нехитрое.

– Тогда растолстею и перестану в дверь проходить.

– А тебе оно так уж надо, милоч? – парировала Яга. – Дома сиди, пушай за тебя вон еремеевцы бегают, да и Митяй, коли без дела сидит, сразу портиться начинает.

– Кстати, где он?

– На базар пошёл, капусты свежей прикупить, мяса говяжьего, круп владимирских, маслица подсолнечного, соли баскунчакской да ещё...

– Бабуля, его к капусте вообще подпускать нельзя! Для него это слово, «капуста», воспринимается как приказ свыше: иди и сожри весь бочонок у тётки Матрёны! – напомнил я.

– Да тьфу на тебя, Никитушка, не доверяешь ты парнишке, не любишь его.

Ну, спорить не буду, жену я люблю больше, чем Митю, это верно. Он у нас специфический типаж, сам по себе просто обожает милицейскую службу, но ещё никто по большому счёту не приносил столько вреда имиджу самой милиции, как наш младший сотрудник Дмитрий Лобов!

Хорошо ещё, что лукошкинцы у нас граждане сознательные, если что, они его то в ковре завернутого, то в том же бочонке упакованного в отделение доставляют. Мы извиняемся и перевоспитываем, и всё по новой, это наш крест...

– Явилась – не запылилась, сноха ненаглядная. – Баба-яга церемонно расцеловалась с Олёной в чисто московской манере.

То есть чмоки-чмоки, но не касаясь щёк друг друга. Они «сдружились» за время совместного пребывания на Стеклойной горе в плену у Змея Горыныча. Не сказать, что наипервейшие подружки, конечно, но уже и не враги. А ведь было время, они тут так собачились – туши свет, бросай гранату.

– Да ешьте уже, остынет всё!

Мы втроём церемонно уселись за стол. Как раз вовремя, чтобы краем глаза увидеть, как в ворота отделения въезжает карета немецкого посла Кнута Гамсуновича. Это наш старый добрый арийский друг.

– Ещё одну тарелку поставлю, – сорвалась с места Яга. – Такие ж люди! Энтот добрый человек Кнут Плёткович...

– Гамсунович, – на автомате поправил я.

– ...мне на прошлом месяце мазь европейскую для поясницы представил. На пчелином укусе! Уж до того полезная, прям слов нет, аки молоденькая кругами по двору забегала, ибо так жгло, так жгло, что уж убила бы гада-а!!! Пойти, что ль, хлебом-солью встретить?

Пока моя домохозяйка дунула к себе в горницу наряжаться к визиту дорогого гостя, мы с женой усталились в окно. Из кареты, распахнув дверцы, вышел... Митя.

– А где Кнут Гамсунович? – в один голос спросили мы, дружно косясь на большой бочонок из-под кислой капусты, который наш младший сотрудник выкатил из той же кареты. Из-под плотно прижатой крышки виднелись локоны посольского парика. Мать моя юриспруденция-а...

– Милый, и ведь уволить его нельзя, я правильно помню?

– Увольняли уже раз шесть, всё без толку, – тоскливо подтвердил я. – Но на такой крупный международный скандал он нарывается впервые. Ну и мы, получается, тоже, на радость всей Чукотке, сели голой задницей в тёплый тюлений жир.

Олёна покосилась на меня с недоуменным уважением (если так можно выразиться), но не объяснять же ей, что у нас в школе милиции полковник-якут и не такие шуточки отпускал. В массе своей крайне неприличные.

– Здрав будь, Кнут Гамсунович, гость дорогой, – на автомате выдавала Баба-яга, в новеньком сарафане, в руках хлеб-соль на подносе, а в глазах искренняя любовь ко всей цивилизованной Европе.

Митяй молча бухнул бочонок с послем на пол, снял крышку и широко, от плеча к плечу, метр на метр, перекрестился.

– Докладывай, – приказал я, пока Олёна обмахивала полотенцем осевшую на пол бабку.

– А и шёл я, шёл да добрый молодец, – распевно начал наш богатырь, которому по факту место не в органах, а на сахалинской каторге. – Никого не забижал, доброму люду весь улыбался, а... Что ж вы, и «ай люли-люли» не скажете?

– Митя, не заводи, и так нервы не казённые, – ответил я и вдруг сорвался: – Ты с какого пьяного лешего вдруг иностранного дипломата в бочонок упаковал, сволочь? Третью мировую спровоцировать решил, а?!

– Утешьтесь, Никита Иванович. – Наш младший сотрудник легко и очень вежливо отвёл мои руки от своей шеи. – Причина на то имеется весомейшая. Ибо наш общий друг, посол немецкий, самолично меня на базаре остановил и до отделения довезть предложил в своей же карете.

– И за это ты его мордой вниз в квашеную капусту?

– Нет, как можно! Я же честь мундира блюду со страшной силою. Не за это дело мне Кнута Гамсуновича паковать пришлось. А за заявление!

– Какое заявление, дубина?!

Олёна на минуту оставила бабушку, чтобы повиснуть на моих плечах.

– Так он же... это... на Бабуленьку-ягуленьку полнейшее заявление написал, – скорбно выдохнул Митя. – Дескать, убийца она и преступница страшная. Таким, дескать, в отделении не место! И, главное дело, подлец, врал бесстыжим образом, будто бы доказательства у него имеются.

– Какие ещё доказательства? – опешил я.

– А такие, что якобы принц австрийский Йохан-прекрасный в последнем письме сообщил отечеству, что гостит на Руси у красавицы Яги. Опосля о нём ничего известно не было. Ну, кроме традиционного «йоханского мясца поем, а на его же косточках покатаюся». Но то слухи...

В отделении повисла тишина. Долгая и очень нехорошая. Баба-яга замерла с разинутым ротиком, чуть согнув колени и расставив руки в позе городничего из «Ревизора», говорящего «вот тебе, бабушка, и Юрьев день!».

Олёна с испугом уставилась на меня, я с недоумением и обидой на Митьку, он с полным осознанием своей правоты на всех нас. Пауза затянулась...

Вдруг из бочонка поднялась узкая немецкая рука, погрозив всем нам длинным сухим пальцем.

– Посла в баню, – быстро скомандовал я. – Вымоешь, выпаришь, водкой угостишь и в чистом белье сюда! Мы хоть как-то успеем подготовиться.

– Слушаю и...

– ...и повинуюсь.

– Слушаю и повинуюсь, батюшка сыскной воевода! – вытянулся под козырёк наш младший сотрудник. – Разрешите идтить выполнять, мыть, поить, парить?

– Разрешаю.

Митька вновь взвалил себе бочонок на плечо и строевым шагом умёлся в баню. Мы с супругой осторожно выдохнули.

– Что это было, милый?

– Не знаю, Олёна. Но, с другой стороны, у нас тут есть кое-кто, способный пролить свет на эти «преданья старины глубокой». Бабуля? Подъём!

Яга подскочила так, словно ей дефибриллятор к ягодичным мышцам подключили – с места и маковкой до потолка! По-моему, там даже какая-то доска хрустнула, не знаю, не уверен.

– Вы всё слышали? Если я правильно понимаю ситуацию, то, возможно, нам грозит внутрислужбное расследование. Не поделитесь, что там на самом-то деле вы учиняли со всеми этими царевичами-королевичами?

Баба-яга сдвинула бровки, поджала губки и, едва сдерживая слёзы обиды, гордо ушла к себе в комнату. Ну, типа «ой, всё!».

– Еремеева сюда! – устало приказал я.

Олёна картинно козырнула, прищёлкнула каблуками, резко развернулась, махнув косой, и скрылась в сенях. Фома Еремеев, начальник стрелецкой сотни при отделении милиции, явился меньше чем через минуту, словно просто ждал за дверью.

– Здрав будь, Никита Иванович!

– Присаживайся. Чай будешь?

– Нет, не до того, уж прости за прямоту.

– Понял, в задницу чай, докладывай.

Доклад, как вы, наверное, уже поняли, был пространным...

Еремеевцы дежурят по всему городу: семьдесят пять парней днём и двадцать пять ночью. То есть свидетелей того, как наш Митя Лобов ни с того ни с сего бросился на немецкого посла, подмял под себя, как медведь скомороха, забил в рот кляп из кислой капусты, при всех матом проклял тётку Матрёну за то, что она, стерва, бруснички недокладывает, и, сложив Кнута Гамсуновича вчетверо, сунул в пустой бочонок, – хватало выше крыши царского терема!

Кто-то из прохожих выразил даже не протест, а некоторое изумление этим беззаконием, но заткнулся, получив в физиономию солидную порцию всё той же кислой капусты с брусничкой. Рука у нашего сотрудника тяжёлая, и капусты в ладонь помещается много. Также куча народу видела, как он вкатил бочонок в карету посла и погнал перепуганного кучера матом напрямиком в отделение. В общем и целом ситуация выходила неприглядная.

К тому же не успел Фома толком разъяснить мне, что в принципе его ребята полностью на стороне отчаянного Митяя, как в ворота отделения вломилась целая делегация от боярской думы. Как им и положено, с двумя хоругвями и одной иконой наперевес, с царской охраной, пищалями, топориками, пушками! Обнаглели в хлам...

Нет, пожалуй, я увлёкся, это раньше они заезжали сюда, как к себе домой, а теперь уже вполне себе пообтесались. Поняли, что звучная дворянская фамилия ни в коей мере не защищает от «милицейского произвола», как думские бояре называют законопослушание. Короче, при всей помпе замерли под недобрыми взглядами еремеевцев. Ждут-с...

– Заводи.

– Может, в порубе потомить до вечера? Вежливее станут.

– Фома, не искушай, самому хочется. Веди их уже.

Олёна, поспешно убрав со стола, присела в уголке, изображая Бабу-ягу, а я постарался сделать максимально строгое выражение лица, бояре такое любят. У них, как у любых чиновников, крайне выражено врождённое преклонение перед силой. Уж поверьте, вот если с этого всё и начиналось, то в будущем ничего не изменится.

– Здоровья тебе и блага сему дому, сыскной воевода! – с поклоном приветствовали меня двое молодых, зелёных бояр. Наверняка подросшие сыночки тех, кто ещё в прошлом году требовал моего публичного повешения.

– И вам не хворать, граждане. Чем обязан?

– Батюшка сыскной воевода, не вели башкой в поруб совать, вели слово молвить, – осторожно выдал самый умный из двух. – Слухи ходят, что, дескать, сотрудник твой, Дмитрий Лобов, самого посла из Немецкой слободы заарестовал за невесть что, на базаре в бочку сунул и смерти безвременной предал через казнь лютую!

– Ну что ж, – подумав, широко улыбнулся я, подмигнув Олёне. – Немецкий посол, как известно, добрый друг нашего отделения милиции и в данный момент весело парится в бане с тем же Митей Лобовым. Да я и сам хотел к ним присоединиться. А как вы смотрите на баньку в милиции?

Бояре быстро переглянулись.

– А что ж, сотрудник твой младший парить будет?

– Естественно! Рука у Мити тяжёлая, но нежная.

Молодые боярские сынки нервно сглотнули и пошли на попятную, – думаю, у них были определённые указания на эту тему. По крайней мере, я даже не успел толком описать им все замечательные перспективы, как ребят ветром сдуло из горницы. Хм, прежние были покрепче, пока башкой в поруб не сунешь – не унимались. Эх, молодёжь...

– Никита, мы в дерь... В смысле – у нас беда?

– Беда не то слово. Вот в дерьме – это правильно. И не слабо! По ноздри как минимум.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю. Но это ведь не уменьшает уровень проблем на моей работе?

– Нет, – честно согласилась бывшая бесовка. – Более того, я в таком аху... оху... То есть если Баба-яга хоть в чём-то виновата, то ведь это пятно на всё отделение, верно?

– Верно, Олёнушка, – скорбно откликнулась моя старая домохозяйка, выходя из своей комнатки. – Чую я, пора нам одним нос к носу пошущукаться, покуда царь Горох цельное войско не прислал моего аресту ради.

– А есть повод?

– Есть, Никитушка. Сам знаешь, повод для аресту – он всегда есть.

И, быть может, впервые я не нашёлся с ответом.

Да, мы не в первый раз подвергались подозрениям со стороны государевой боярской думы. И нет, до сих пор все их инсинуации касались исключительно нас, не задевая граждан других государств. Да какого русского хрена в импортном маринаде я несую?!

Это же Кнут Гамсунович! Порядочнейший немец на всём белом свете! Друг нашего отделения, поставлявший нам настоящий кофе, а в пиковый момент сумевший личным примером поднять под ружьё всю Немецкую слободу на защиту нового «фатерлянда», то есть родного Лукошкина!

У нас никогда не было такого друга, и он тоже знал, что, случись что, вся лукошкинская милиция выступит единым фронтом за порядок и закон в его слободе. Да что там, многие русофилы на базаре упрекали нас в отсутствии патриотизма за дружбу с иноверцами! А теперь немецкий посол направился к нам с предложением арестовать Бабу-ягу?! Слов нет...

– Никита, по-моему, тебе пора в баню, – практически в один голос объявили моя домохозяйка и моя молодая жена.

– Кстати, да, – поспешно согласился я. – Действительно, почему бы покуда не сходить помыться? Я же ещё вчера в бане был. Перепачкался за ночь, как зебра в ксероксе – и вроде чёрная, и вроде белая, как посмотреть. А вы со мной не пойдёте?

На меня и посмотрели так, что я предпочёл ретироваться без слов. То есть всего того, что я до этого наговорил, было более чем достаточно. Я, конечно, не знаю, что бы мне сказала Олёна, но то, что бабка могла колдануть вслед, и неслабо, кто бы сомневался.

– Пусть Еремеев никого в отделение не пускает! Через час-полтора я сам приеду к государю и всё объясню.

В ответ один воздушный поцелуй и один сострадательный кивок. Ну и ладно, не в первый раз, в конце концов. Азербайджанский домовой Назим уже в сених, из-под лавки, подал мне комплект чистого белья и полотенце. Хороший мужик, хоть и горбоносый, а готовит вообще как бог! Не наш православный, а какой-то их, бакинский бог, но долма у него невероятно вкусная...

– Митя, открывай, свои. – Я деликатно постучал в дверь старой баньки.

Из маленького полуприоткрытого оконца донеслись хлещущие звуки ударов веника и приглушённые стоны: «Я, я! Дас ист фантастиш!» Ну, посол у нас в Лукошкине давно живёт, привык ко всему и поддать русского парку любит.

Я толкнул дверь посильнее, не заперто. Что ж, тогда можно не стесняться, в бане генералов нет. Я быстро разделся в предбаннике и шагнул в парилку. Каково же было моё удивление, когда оказалось, что орал не Кнут Гамсунович.

– Я, я, майн камрад, – в голос стонал Митька, пока красный от натуги немец яростно охаживал его берёзовым веником. – Зер гут, битте, битте, данке шё-о-он...

– Так, младший сотрудник Лобов, приказываю прекратить участие в съёмках взрослого кино, – рявкнул я. – Быстро окатился водичкой и приготовил нам чай в предбанничке!

Он бодренько вскочил на ноги, вылил на себя ушат ледяной воды, заставив взвизгнуть от попавших капель и меня, и немецкого гостя, после чего метнулся исполнять. Мы с послом голышом (в рифму!) завели необременительный разговор о погодах, видах на урожай в Вестфалии и планах погулять с глинтвейном на католическое Рождество где-нибудь в том же Бремене.

Спрашивать в лоб о причинах его планируемого визита в отделение было как-то неудобно.

Да и сам Кнут Гамсунович вёл себя несколько странным образом. Человек, который ехал в отделение милиции для подачи заявления на нашу бабушку, а в результате без ордера и объяснений арестованный Митяем, доставленный в собственной карете упакованным в пустой бочонок из-под квашеной капусты и приведённый в порядок в бане, ни капли не обиделся и даже оказал ответную услугу в парилке своему недавнему мучителю?!

Ну, положим, «мучитель» – сильное слово. Наверное, Митин поступок можно было бы охарактеризовать как «превышение разумных границ служебного рвения, вызванное стрессовой ситуацией в связи с избыточным пониманием своего милицейского долга».

– Чай, чаёк поспел! – высунулся из предбанника наш проблемный парень. – Никита Иванович, отец родной, прошу пожаловать чаю откусать! И жидомора этого тощего с собой зовите, у меня рука не поднимается, как вспомню, что он на бабуленьку преподлейший донос накатал!

– Брысь! – рявкнул я, и Митя гордо удалился, довольный своим патриотическим героизмом.

Типа и правду-матку в лицо изрезал, и начальства не убоился, на казнь египетскую за это дело пойдёт со всем христианским смирением. Он у нас такой, позёр со стажем.

– Нам надо поговорить, так?

– Яволь, гражданин сыскной воевода, – покивал Кнут Гамсунович, опустив взгляд. – Во-первых, я не жидомор. Это айн! Во-вторых, я не тощий, у меня сухопарое телосложение. Это цвай!

– Гражданин Шпицрутенберг, прошу вас принять мои официальные извинения за грубость нашего младшего сотрудника.

– Это есть обычная, как у вас говорят, отмазка?

– Совершенно верно.

Мы пожали друг другу руки и уселись в тёплом предбаннике, завернувшись в простыни. На низеньком столике (ну или, честнее, на свободной лавке) были расставлены расписные чашки, блюдечки с вареньем, сушками, баранками, урюком, пахлавой, цукатами и орешками. В пузатом чайнике настаивался знаменитый «Азерчай». Домовой Назим мягко и ненавязчиво сумел сделать нашу домашнюю кухню не такой русской. Иногда мне даже кажется, что кормят у нас прямо как в московском филиале «Бакинского двора».

– Итак, что же касается «доноса» и претензий немецких спецслужб к старшей и заслуженной сотруднице нашего отделения...

– Я охотно объяснюсь, герр Ивашов, – в привычно церемонной, дипломатичной манере начал наш гость. – Вы прекрасно знаете, сколь долгие и, я бы сказал, дружественные отношения связывают Немецкую слободу и отделение милиции. Было время, когда ваши доблестные стрельцы защищали нас, мы в свою очередь не единожды вставали против врагов нашего общего дома, прекрасного города Лукошкина. Более того, лично вы спасли мою жизнь и честь. Однако, мин херц...

– Я понимаю, что вам трудно, но вы обязаны.

– Да. Увы, но я обязан передать его величеству царю Гороху ноту протеста от нашего государя Фридриха Вильгельма. Неожиданно в европейских кругах...

– Вы имеете в виду СМИ и всякие газеты?

– Газеты – это развлечение легкомысленных французов. Нам, честным немцам, важнее сплетни. Больше всего мы боимся разговоров за спиной. – Посол взял один розовый цукат, пожевал и с удовольствием отхлебнул чаю. – Ситуация такова, что если вина вашей Яги в убийстве принца будет доказана, то мой король Фридрих потребует её наказания где-нибудь в Мюнхене или в Бамберге.

– Но это не Австрия.

– Зато там прекрасные большие площади, идеально подходящие для сжигания ведьм.

На мгновение я вдруг ощутил всю прелесть опасного Митиного безумия. То есть мне жутко захотелось тут же на месте придушить посла и убрать дело «под сукно». Видимо, Кнут Гамсунович прочёл что-то подобное в моих глазах.

– Даст ист майне шульд¹, герр Ивашов. Я, быть может, не был достаточно вежлив и корректен. Но поймите меня правильно, в Европе уже зреют некие протесты, определённые круги заинтересованы в ключевом противостоянии России и Австрии. Поэтому если дело о пропавшем наследнике престола не получит должного разрешения, то государю Вильгельму просто придётся объявить вам войну. Без вариантов!

– Да неужели?

– Я, я! Он не хочет этого, но он будет вынужден спасти свой авторитет. Пропавший принц Йохан-прекрасный Себастьян был очень популярен у знатных фройляйн королевской линии многих стран. И, как это ни странно звучит, похоже, именно ваша Баба-яга видела его последней.

¹ Это моя вина (нем). – Здесь и далее примеч. авт.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы более-менее уложить в голове события, реальность, факты, домыслы, фантазии, планы геополитики и предположить, что будет прямо сейчас, если мы не вмешаемся в это крайне мутное дело...

– Еремеев! – Я высунулся из бани.

– Здесь, Никита Иванович, – откликнулся с крыльца командир стрелецкой сотни.

– Хватай всех своих в охапку и рысью дуй к Немецкой слободе! Приказываю окружить их со всех сторон и защищать всеми законными средствами.

– Да что случилось-то?

– Очень надеюсь, что ничего НЕ случится. Немцы не должны пострадать. Давай же, Фома неверующий, не тяни!

Он пожал плечами, но уже через минуту по двору забегали вооружённые стрельцы: еремеевская команда быстрого реагирования готовилась к короткому походу.

– Кнут Гамсунович, вам нужно остаться здесь. Когда царь Горох узнает, что король Фридрих Вильгельм грозит ему войной, если он не позволит европейскому суду сжечь нашу Бабуягу... Всё! Абзац! Немецкой слободе конец, а вы отправитесь либо в тюрьму, либо на каторгу, либо на плаху.

– Тогда я обязан быть со своими соотечественниками! Мы ни в чём не виноваты, мы законопослушные немцы и любим свою новую Родину! Государыня Лидия Адольфина не допустит...

– Учитывая её личную дружбу с бабулей, государыня своими руками закуёт вас в кандалы, – прорычал я, лихорадочно одеваясь. – Вот вроде бы взрослый человек, дипломат, прожили здесь куда больше, чем я, а элементарных вещей не знаете.

– О, это опять ваша таинственная русская душа? – нервно фыркнул посол.

– Нет, скорее тот факт, что «таинственная русская душа» штука заразная. И теперь ваша австрийская принцесса воспринимает себя исключительно русской царицей. Русской! И ныне интересы Лукошкина для неё превыше интересов любой объединённой Европы! Так понятнее?

Кнут Гамсунович замолчал. Видимо, подобный расклад просто не приходил ему в голову.

– Письмо с претензией в царской канцелярии?

– Да. Я поспешил, сначала нужно было обратиться к вам, верно? Но это дипломатическая почта, мне непозволительно нарушать правила.

– Ещё раз убедительно прошу вас, оставайтесь в отделении, Митя за вами присмотрит. А я – пулей к Гороху.

Старая телега с надписью на задке «Опергруппа» была подана в рекордно короткое время. С благообразной рыжей кобылой я отличнейше управлялся сам. Поцеловал жену, крепко обнял Митьку, шёпотом дав ему строжайший приказ беречь немецкого посла, и вслед за еремеевцами выехал за ворота. Яга всё это время даже носу не высунула из своей горницы. Только толстый чёрный кот Васька прощально помахал мне лапкой с крыльца, и на морде его было написано самое скорбное выражение...

– Пошла-а, рыжая! – Я присвистнул на разбойничий манер, и загорающаяся не меньше нас милицейским азартом лошадка перешла на бодрую рысь.

Неровная булыжная мостовая вела через Базарную площадь, но ещё ни разу не было такого случая, чтобы моё явление народу осталось неоткомментированным. Да, да...

– Люди добрые, да куда ж это Никита Иванович с утра спешит? Все мужики-то ещё в бабской ласке греются, а его словно змеюка подколотная за одно место укусила! Да знаю я, что он женат! Жёны, они тоже порой кусаются. И именно за это место зубами норовят...

– Ой вей, кругом одна милиция! Стоит скромному еврею выйти на улицу, а органы от правопорядка уже там и все в напряжении. Шо я такого сделал, шо милиция за мной таки уже и скачет? Не за мной?! Какая досада, а мы уже думали, шо наконец-то начались гонения и притеснения. Опять жалобу не на кого писать, шо за жизнь, таки нас снова кинули, евреи?!

– От ить сыскной воевода полетел. Куды? Не сказал. Почто? Не признался? Вот она, молодёжь, пошла, никакого уважения к старости. Нет чтоб сесть по-людски, объяснить дедушке не спеша – куда, зачем, почему, чё будет, кого арестуют, кто плохой, какой срок дадут? Поехал себе, да и тьфу!!!

Не то чтобы мне всё это было жутко интересно, но базар есть базар, тут всего и всякого наслушаешься, без вариантов. Народ у нас разный, и, как говорится, на все рты платков не хватает, а наши люди всегда лепят в лицо всё, что думают.

– Эх, да будь я помоложе, хрен бы он у меня вообще из постели вырвался! Какая к лешему служба? На мне служи! И так и сяк, и слева, и справа, и сверху, и вообще, чтоб самих мыслей с бабы слезть не было! А я те тоже отслужу, хучь в ошейнике, хучь в собачьем наморднике. А почему нельзя? Кто сказал? А ежели мне оно так нравится? А мужик пушай терпит, на то он и мужик! Чё скажете, бабы, где я не права?!

В общем, вы всё поняли, слышали не в первый раз, да? Хотя, как понимаете, привыкнуть к этому невозможно. Примерно с той же степенью нереальности, как не встретить дьяка на государевом дворе. То есть это по факту невозможно.

– Явился не запылится, – приветствовал меня стоящий за воротами гражданин Груздев Филимон Митрофанович, самый страшный сон всего отделения милиции.

Между собой мы называем его «геморрой во плоти», «происки Америки», «буревестник думского приказа», ну и ещё ряд уже не вполне приличных прозвищ. Любые попытки хоть как-то смягчить нашу вечную войну к положительным результатам не приводили. Даже когда он нам помогал, а один раз вообще чуть не женился на вдовой Митиной маме.

– Куды ты прёшь, милиция неподкованная?!

Дьяк едва успел отпрыгнуть в сторону, когда наша рыжая кобыла чуть не цапнула его зубами за длинный нос. Промахнулась, к сожалению.

– Не лезьте под колёса опергруппы! У меня срочное донесение к царю! – на весь двор проорал я, спрыгивая с телеги. – Мужики, пропустите без записи?

Царские стрельцы кивнули, они знали нас не первый день и, уж как водится, в бюрократических приёмах не томили.

Пока дьяк матом лаял меня и раздражённую несправедливым обвинением лошадь, я быстренько взлетел по ступенькам на третий этаж царского терема.

– Где Горох?

– Государь бояр слушать изволит, – шёпотом объяснили мне два бородача с топориками у дверей. – Но ты заходи, сыскной воевода, ежели что, уже два раза об тебе вспоминали.

– С меня причитается, парни, обращайтесь!

– Понимаем, сами службу несём, – весомо подтвердила царская охрана, опуская бердыши и, соответственно, пропуская меня в зал заседаний боярской думы. Ох и страшное это место, доложу я вам...

– Никита-ста Ивашов, сын Иванов, – доложили стрельцы, распахивая передо мной двери. – Сам сыскной воевода царю Гороху челом бьёт и нижайше принять просит!

Я кротко выдохнул и шагнул вперёд. Это как прыжок с разбегу в крещенскую прорубь!

В думе ко мне хорошо относится лишь один старый боярин Кашкин да пара-тройка сочувствующих молодых бояр. Прочие находятся под влиянием пузатого думца Бодрова, на которого в свою очередь из всех сил давит его жена. В общем, там всё запутано, тёмно, сложно и стрёмно, не пытайтесь понять, я сам в каждодневном недоумении. Чего я ей такого сделал, если мы даже и не встречались ни разу?

Однако царь Горох продолжал прислушиваться к милиции чисто из принципа, так как абсолютизация власти штука опасная во все времена.

– Ну заходи, заходи, сыскной воевода, я на тебя гневаться изволю, – в традиционной русской манере принял меня наш государь. – Жалуются граждане! Вот, целую петицию на латин-

ский манер накатали, а дьяк Филимон Груздев все претензии народные к милиции записать успел да через бояр моих верных пред очи мои светлые представил.

Бояре грозно хмурили брови, исподлбья прожигая меня многообещающими взглядами. Чего уж, один раз они меня прямо тут, в царском дворе, едва не повесили! Навалились пятьдесят на одного, тот же дьяк Филька верёвку притащил, и если б не Горох...

– Что скажешь, милиция? Велю тебе при всей думе боярской ответ держать.

– Подтверждаю, – честно кивнул я. – Жалобу писал гражданин Груздев, очи у вас светлые, ответ держу. Ещё вопросы есть?

– Так что ж, бояре, есть ли у нас ещё вопросы? – Царь выгнул соболиную бровь дугой.

– Дык... не отказывается ни от чего вроде... казнить бы по случаю, государь?

– Казнить – это дело нехитрое, однако ж обратно ему голову не пришьёшь. Раз всё признаёт и кается, стало быть...

– Миловать, что ли?! – едва ли не со слезами взвыл толстяк Бодров, закусывая бороду. – Что за жизнь настала, что за порядки? Хочешь человека на плаху отправить, а фигу! Законы какие-то понавыдумывали...

– Я так понимаю, это вы сейчас на царя наезжаете, гражданин? – строго заметил я. – Будете заявление писать или сразу пешком на каторгу? Сочувствующие есть? Кто ещё разделяет вашу точку зрения? С кем вы состоите в переписке? Сколько человек вовлечено в вашу тайную организацию? Минуточку, я достану блокнотик. Итак, записываю!

– Бежим, православные! – истошно завопил кто-то из самых первых рядов. – Милиция дело шьёт, срок мотать заставит, небо в клеточку, друзья в полосочку. Бежи-и-им!!!

Собственно, и минуты не прошло, как заседание думы было приостановлено в связи с отсутствием ранее присутствующих. Это стадо бородатых слонопотамов с посохами и длинной родословной успешно затоптало в пути гордого дьяка Груздева, автора очередной петиции «от народа супротив органов». Наверное, можно было бы чуточку позлорадствовать, но ведь дьяк-то всё равно выживет, он у нас как цветок в проруби – суть неутопляемый.

– Пошли ко мне, Никита Иванович. – Горох снял корону, повесил её на спинку трона и протянул мне ладонь. Рукопожатие царя было крепким и тёплым.

– Нет, к вам пойдя, вы настойками угощать станете, а у меня дело серьёзное.

– Да я уже третий день капли в рот не беру. Ей-богу! Кстати, зануда ты и есть.

Угу, можно подумать, он сам не берёт. Ему царица не позволяет. Лидия Адольфина, бывшая австрийская принцесса, сухая, как швабра, но с четвёртым размером бюста, гвардейской выправкой и нежнейшим сердцем, всегда искренне заботилась о здоровье мужа.

Тем более после недавнего приключения на Стеклойной горе. В смысле, когда они оба вернулись в Лукошкино, надёжа-государь, он же рыцарь, паладин, Лоэнгрин мэйд ин Раша, на радостях запил, и пил ровно неделю! Так что нет, я ему не собутыльник, он же опять сорвётся, и тащи его за шиворот из синей ямы, а его величество руками-ногами упираться будет и мне же казнью грозить.

– Чего там у тебя приключилось, рассказывай.

– Кхм, ну если честно, то проблема серьёзная. – Я прокашлялся, огляделся по сторонам и вполголоса тихо прояснил государю сложившуюся ситуацию.

Горох охнул.

– Царица знает?

– Надеюсь, ещё нет. Но как только в вашей канцелярии вскрыют официальное письмо...

– Немецкую слободу под охрану!

– Уже.

– Ягу твою, милейшую бабушку, чтоб её ангелы на небеса от нас живьём вознесли, спрячь где-нибудь подальше!

– Она в отделении, за ней Олёна смотрит.

– Кнута Гамсуновича велю сей же час...

– Он тоже в отделении, под Митиной охраной.

– Слушай, а зачем тебе вообще царь, если ты и так всё знаешь?! – на минуточку обиделся Горох, но так же быстро остыл. – К тебе поеду. Изволю с послом немецким да Бабою-ягой лично переговорить. А покуда никому ни слова! Ежели только бояре мои прознают...

Двери распахнулись так, словно их тараном вышибли. Одна створка повисла на косяке, другая хлопала, словно флюгер на ветру, а на пороге стояла бледная от ярости царица Лидушка.

– Свет очей моих, – нежно пропел Горох, на всякий случай прячась за трон.

Государыня молча оторвала длинную полосу от собственного подола, связала её в узел, прикинула вес, покрутила над головой и пошла в атаку.

– Майн гот! Майн возлюбленный дальний кузен Йохан убит в твоей... моей... нашей России! Я всё знать, а ты мне всё молчать?!

– Это не совсем так, – попытался встрять я, героически закрывая грудью Гороха. – Пока есть только предположение, но нет фактов. Вы же не будете верить голословным обвинениям?

– О найн! Я сначала вас всех убить из-за моей горячий австрийский кровь, а потом плакать и думать! Можно даже просто плакать, я, я, и совсем ничем не думать. Ферштейн зи?

Мы уворачивались, как могли, парчовая ткань, связанная в тугой узел, свистела в воздухе не хуже разбойничьего кистеня. Четверо стрельцов, пытавшихся врукопашную остановить гневную государыню, полегли на месте. Мат стоял такой, что я только диву давался, как эта нежная иностранная принцессочка столь быстро всё подхватывает?!

На каком-то этапе Горох просто оттолкнул меня в сторону, поднырнув ей под руку, и, блокируя удар, припал к губам супруги крепким мужским поцелуем. Лидия Адольфина замерла, орудие разрушения рухнуло на пол, побитые стрельцы быстро поползли к выходу, а я, морщась от боли в ушибленной пояснице, полез в тайный государев шкафчик за тронем, доставая бутылочку валерьяновой настойки на спирту. Нам всем надо было чуточку успокоиться.

– По пятьдесят?

Царь с царицей кивнули. Пили из маленьких серебряных стопок без тостов, просто потому что надо. Стрельцы по-тихому восстанавливали двери. Бояре, даже лояльные милиции, не рисковали и носу сунуть в зал для заседаний, так как теперь уже никто не знал, у кого более вспыльчивый нрав – у государя или у государыни. Но не лезть под горячую руку ума хватало всем.

– Давай-ка, Никита Иванович, друг сердешный, поведай нам ещё раз об сём деле.

– Я, я! Ви есть и мой добрый дрюг-полицай, битте шён, расскажите нам, как есть всё по-вашему без прикола. Найн, без протокола.

Что ж, я пожал плечами и, тихо вздохнув, видя, как Горох разливает по второй, ещё раз со всеми деталями рассказал всё, что знал. А как вы понимаете, знал я немного. Да и то немногое, признаться, с чужих слов. Собственно, со слов одного лица, Кнута Гамсуновича, хотя никаких доказательств в подтверждение выдвинутых обвинений он представить не смог.

Подчеркиваю, именно не смог, а не не успел.

– Допустим, кто-то там в Австрии вообразил, что их принц когда-то и зачем-то попёрся в Россию. Не буду спорить, принцев клинит на всю голову, они ребята эмоциональные, даже девичьи трупы целуют в губы, но мы-то здесь при чём? Откуда появилась информация, что именно наша Баба-яга была последней, кто его видел? Кстати! Даже если это и так, то с чего вдруг появились мысли, что она каким-то боком причастна к его (возможной!) смерти? Что, если австрийский принц Йохан спокойно уехал от Яги в ту же Финляндию, Польшу, да хоть в Китай, и до сих пор находится в гостях у местных мандаринов.

– У кого? – дружно спросили царь с царицей.

Мне пришлось вспомнить школьные знания и объяснять им, почему властелины Китая назывались фруктами. Ну или наоборот? Ох, блин... не знаю... как там, кто был первым, кого в честь кого назвали мандарином? Но не принципиально же!

– Письмо из канцелярии подать сразу мне, оно даст дипломатический почта, – начала Лидия Адольфина, чуточку подуспокоившись и накрывая свою стопку ладонью – ей хватит. – Боюсь, я быть вся как есть чрезмерно сгоряча?

– Я, я, – подтвердили мы с государем.

– Но если кто-то шпихен, что немцы хотят экстрадишен вашей... моей... нашей Бабы-яги в... на суд в Нюрнберг, то будет бунт! Российский, жестокий унд беспощадный?

– Натюрлих, – переглянулся я с Горохом. – Так что, все втроём едем к нам в отделение?

Вот это, наверное, было бы самым разумным и правильным решением на тот момент, если бы, распахивая старательных стрельцов, в зал для заседаний не влетел запыхавшийся боярин Кашкин.

Дядька довольно древних лет, но бодрый, как огурец, и с такими же прогрессивными взглядами на работу правоохранительных органов. То есть он не только милицию любил, но и нашей бабушке при всех глазки строил. К тому же этот тощий дед и супротив всей боярской думы ни разу не побоялся встать на мою защиту! Стержень имел.

– Беда, государь! Народ на Немецкую слободу пошёл. Говорят, будто бы немцы всю нашу милицию под корень извести хотят в суде несправедном, в Гаагском!

– Коня мне! – взревел Горох, ибо мало того что у него нрав горячий, так ведь и пили только что, но не закусывали.

– Два раза коней! Их бин можно есть кобылу, – в голос поддержала Лидия Адольфина.

– Ну а я, видимо, следом на телеге поеду.

Мне с трудом удалось сохранить серьёзное выражение лица, представляя, как скромная Лидочка пытается есть кобылу. Впрочем, привычные ко всякому и невозмутимые стрельцы кинулись исполнять царский приказ, а я, пользуясь случаем, тихо подошёл к боярину.

– Кто сдал немцев, выяснили?

– Да дьяк Филька, кому оно ещё надо!

– Я сейчас очень занят буду. Как встретите, передайте ему от меня леща?

– Со всем моим удовольствием, – клятвенно пообещал Кашкин. – И от себя на орехи добавлю.

– Имейте в виду, что я, как сотрудник милиции, этого не слышал. А в остальном удачи!

Я втихую, не спеша, вышел из царского терема. Вот, значит, кто, пользуясь доступом к дипломатической переписке, полез вдохновлять горожан на «защиту родного отечества». А ведь сколько раз мы практически подводили этого мятежного балабола под статью, но каждый раз он успевал вывернуться, изображая из себя мученика власти и жертву милицейского режима.

Рыжая кобыла, запряжённая в телегу с надписью «Опергруппа», честно ждала у забора, пережёвывая какие-то случайные травинки. А из главных ворот уже резвым галопом вылетали два всадника, за которыми следом бодро бежали царские стрельцы с бердышами наперевес.

Ну, будем надеяться, что ничего серьёзного они там устроить не успеют. Еремеев заранее прикрыл слободу своими людьми, а простой народ в Лукошкине милицейским нарядам доверяет больше, чем царским. Это, наверное, хорошо. Всё должно решаться здесь и на месте, не дожидаясь прилёта федералов в голубом вертолёте с бесплатным кино.

Пока неспешно ехал развалиясь себе в телеге, народ традиционно сопровождал меня самыми разными комментариями.

– Гляньте, люди добрые, сыскной воевода опять без дела катается! Как, значит, мужа моего, сволочь и пьяницу, в поруб башкой макнуть, так ему заявление надобно. А ежели я сама то заявление только для его вразумления и пишу? Ежели, когда милиция припёрлась, я

за мужа горой, хоть сама ту же милицию и вызывала?! У нас, баб, таковая весёлая логика... и чё?! Заарестуйте его, пьяницу, воспитанию ради, но и пальцем не трогайте, ибо муж он мне, вот так-то! Чего ж непонятного?

– Салам тебе, Никита Иванович-джан! А иноверцам в твоей милиции служить можно, э? Вот я дагестанец, мой дядя кумык, мой тесть чеченец, моя мама из-под Саратова, так, может, к вам в отделение уже пора муллу пригласить, нет? Мы, мусульмане, очень-очень России верные! У нас даже оружие незарегистрированное есть. Пустите в милицию, а?

– Ой лышеньки, ой мамоньки, ой боженьки! И що? Ну коли милиция куда едет, нам с того горе или счастье, га? Що вы тут шумиху подняли, коли ни разу ни одной серьёзной проблемы нема?! От я ж верю милиции! Ежели куда едет, стало, ей туды и надоть. А все те ваши теории заговора, що там Запад творит, що они в той Европе надумали, шоб усим нам напакостить, дак я в то не верю. От глазами вижу, но не верю! А що вы хотели? От такая я сложносоставная баба-а...

И кстати, это всё не значит, что я слушал. Скорее вот это всё я просто не мог вытряхнуть из своих ушей! Народ у нас, в Лукошкине, очень разный, со всех областей Руси-матушки, а также из прилегающей местности. Честно говоря, по совести, лично мне до сих пор не ясно – мы (Лукошкино!) и есть вся пресвятая Русь? Или царь Горох правит своей определённой вотчиной, а в Московской, Тверской, Рязанской или Новгородской областях есть свои такие же цари? Всё возможно, я же тут ни разу толковую географическую карту не видел.

Когда наконец добрался до Немецкой слободы, то там уже всё было окружено бунтующим народом. Ну, в смысле как сказать «бунтующим»? Скорее оппозиционно настроенным! Ох, мать их, прародительницу Еву по языческому календарю, что же они тут все удумали-то...

– Пропустить милицию, православные! Ибо, ежели не милиция, тогда кто же за вас постоит?

Я остановил кобылу посреди колыхающейся волны народа, впритык к воротам Немецкой слободы. По периметру стояли вроде как неизвестно кем возбуждённые толпы.

Вру. Известно кем. И я его убью!

У немецких ворот дружно держали оборону суровые еремеевцы. Фитилей у пищалей не зажигали, но и ладоней с рукоятьей сабель также убирать не спешили. Самого сотника видно не было, зато мне показали проклятого дьяка Фильку, смиренно изображающего коновязь.

То есть он держал поводья лошадей Гороха и его супруги. Сволочь!!!

Понятно, что в отсутствие Кнута Гамсуновича именно Лидия Адольфина сочла себя обязанной взять контроль над осаждённой слободой.

– Филимон Митрофанович, а вы что здесь делаете?

– Я уже заарестованный, ась? Тогда предъяви обвинение, участковый. А коли нет, так я на твои вопросы отвечать не обязан. Съел?!

– Я имею подозрения, что это вы сообщили боярам о письме австрийского короля Фридриха Вильгельма. То есть косвенно причастны к народным волнениям.

– Ничего не буду говорить без адвокату, раз собака ты легавая и есть!

Мне с трудом удалось удержать себя в руках. Но даже невооружённым глазом было видно, что этот ушлый тип нагло провоцирует меня на прямой арест с заламыванием рук за спину прямо тут, на глазах перевозбуждённой толпы. Причём люди ведь ни в чём не виноваты, они ещё и сами толком не знают, против чего собирались тут бунтовать. Им же просто бросили слух, что, дескать...

– Немцы в своей слободе царя подменили-и! – неожиданно громко тонким голосом взвыл дьяк. – Спасай государя, православные-е! Бей милици... ик!.. уй... ой?!

Договорить я ему не дал, поймав шею гражданина Груздева в удушающий захват.

Все вокруг замерли. Я молча передал задержанного стрельцам, попросил присмотреть за царскими лошадьми, а сам первым шагнул навстречу возмущённому народу.

- У кого ещё тут претензии к милиции?
- Дык дьяк... дьяк-то... от... чё... и энто, ась?!
- Мятежник, смутьян, дурак и просто пьянь зелёная. Пить у нас на Руси можно, но заку- сывать тоже стоит. Все в курсе?
- Знаем, и то верно же: как без закуски? – чуть ободрившись, с пониманием загомонили люди, но всё ещё не собираясь расходиться. – Так что ж, сыскной воевода, поди, война с нем- цами будет?
- Нет.
- Тады... э-э... слободу жечь рановато, что ль?
- Что-либо жечь в городе – это бандитизм, разбой и вообще арест на пятнадцать суток, – строго напомнил я. – Граждане лукошкинцы, вы не первый день меня знаете. Расходитесь по домам! Немцы из Немецкой слободы – наши родные немцы! Уж простите за тавтологию. В прошлый раз при нападении орды шамаханской кто Лукошкино оборонял, пока вы все в пьяном угаре валялись?
- Так ты ж сам просил...
- А вот это не важно! Важно то, что город отстояло ополчение Немецкой слободы, кто спорит?
- Дык чё ж... было такое дело... ну не каждый раз однако же. А и чё мы и вправду здесь собрались, православные? Кто помнит?
- Приглашаем всех на царский двор! – неожиданно появляясь в воротах, громко прокри- чал Горох. – Пять бочек зелена вина открыть для верных сынов нашего Отечества!
- Уря-а-а... – без чрезмерного энтузиазма откликнулась толпа, но народное мнение при- вечно качнулось в другую сторону.
- Русским людям тоже особые потрясения всерьёз не нужны.
- Одно дело – набить морду тихому немцу, семеро на одного, за прошлые обиды, и совсем другое, когда тебя призывают дотла сжечь иностранную слободу, где находятся законные царь с царицей, а по периметру стоят грозные стрельцы милицейской сотни. Эти и сдачи дать могут, смысл нарываться-то?
- Люди начали потихоньку расходиться...
- Выручили, спасибо, – поблагодарил я царя.
- Тебе спасибо, Никита Иванович, – кивнул государь. – А предательскому дьяку Фильке я велю завтра же голову рубить как мятежнику и смутьяну. Иди сюда, сукин ты кот!
- Батюшка, – придушенно пискнул пленённый дьяк, изо всех сил изображая патриоти- ческий обморок. – Да я ж всё за-ради тебя, Отечества любимого и Руси, синеокой матушки нашей светлой. Ох, братцы-брательнички, как же сердце щемит при виде берёзки одинокой над обрывом. Ох, Русь, Русь святая, благословенная, светом Божиим одарённая, аж до слёз на глазах!
- С ума спрыгнул? – обернулся ко мне Горох.
- Нет, просто косит себе под великомученика, – на ухо прошептал я. – Не спешите с казнью. Пусть он у нас в порубе посидит, обычно это быстро вправляет мозги. Ну а не про- трезвеет, тогда и расстреливайте.
- Искушаешь, Никита Иванович, друг сердешный.
- Но я прав?
- Вот скажи, а почему ты всегда прав? Ить я царь!
- Мне казалось, что разговор повторяется, но вспоминать сейчас, где и когда это было, вряд ли выглядело бы разумным. По крайней мере, на данный момент.
- Через десять – пятнадцать минут, когда все окончательно разошлись, Лидия Адольфина Карпоффгаузен русским матом быстро успокоила напуганных немцев в слободе. Царская чета

отправилась к себе домой, а я приказал на всякий пожарный оставить шестерых стрельцов у ворот. Остальное оцепление можно было спокойно снять.

В родное отделение вернулся уже к обеду, ведя привязанного к задку телеги поникшего дьяка Груздева. Он упирался, сквернословил, богохульствовал, молился, рыдал, грыз верёвку, но всё равно волочился следом. Лукошкинцы хоть и добрый народ, но лишними вопросами не донимали, любому ясно: если в милицию замели, то, стало быть, за дело, невиновных у нас не сажают.

Ну, не так чтобы уж совсем всех и никогда, но мы всё-таки боремся за главенство закона над традиционным русским самодурством.

– Здравия желаем, батюшка сыскной воевода. – Еремеевские стрельцы распахнули ворота.

– Митька! – громко крикнул я. – Принимай аппарат, махнул не глядя!

– Чегось? – вытаращился он, выглядывая из-за бани.

– Кобылу, говорю, прими, телегу на место поставь, заключённого в поруб сопроводи.

– А кто это у нас тут? Филимон Митрофанович, какими судьбами?! Мы ж по вас тока-тока и соскучиться не успели.

– Ирод ты милицейский! Всё как есть твоей милейшей маменьке на деревню отпишу! Уж она тебе задаст, уж она-то...

– Она читать не умеет, – нежно оборвал дьяка наш младший сотрудник, взвалил его на плечи и вприпляску понёс через весь двор.

Гражданин Груздев ловко плевался во все стороны, но ни в кого не попал, посему был без мордобития донесён до поруба и кубарем спущен вниз. После недавних событий, когда этот прощелыга в ермолке с косичкой и бегающими глазками внаглую предавал нас направо-налево, не считаясь ни с христианской моралью, ни с верноподданническим долгом, миндальничать с дьяком думского приказа мы тоже перестали. Да и сколько уже можно, а?

Олёны в доме не оказалось, тот же Митя пояснил, что она-де на базар пошла, а зачем – не сказала. Немецкий посол, вымытый, отдохнувший, довольный, сидел за столом, гоняя чай с Бабой-ягой.

– Не помешаю? – запнулся я на пороге.

– Да что уж там, заходи, Никитушка, – скромно опустив глаза, вздохнула бабка. – Я ить в своём доме, на своей земле, чего уж мне-то на старости лет в родном отделении от своих же сотрудников прятаться? Покуда тебя не было, я тут Кнуту Гамсуновичу всю правду как есть рассказала.

– Я, я, – подтвердил седой немец, поправляя парик на взопревшей от чая голове. – И должен сказать, что ваша гроссмуттер-полицай была очень убедительна. Лично я бы не имел к ней ни одной претензии.

– То есть дело закрыто?

– Дело ещё и не начато, соколик, – грустно усмехаясь, поправила меня Яга. – Вона Олёнка твоя со двора побежала кой-чего прикупить для колдовства чародейского. А уж как результат на руки получим, тогда и прикинем по уму, что да куда. Дело пытаться али от дела лытать?

– Ну вы хоть вкратце объясните, в чём проблема?

Моя домохозяйка переглянулась с послем, и они оба, перебивая друг дружку, пустились расписывать блюдечко гжелью и тарелочку хохломой. Это образно выражаясь, а по сути всё проще и понятнее. Я вам вкратце перескажу.

Да, да, в годы золотой молодости Баба-яга, будучи себе уже вполне состоявшейся ведьмой с именем, действительно несколько раз встречалась со всякими там царевичами-королевичами.

Цари в массе были наши славянские: русские, болгарские, сербские. Королевичи – исключительно из Центральной Европы. С принцами Персии, Азии и стран мусульманского Востока дело как-то не очень заладилось. Возможно, вопрос в религиозных тонкостях, возможно, бабка просто была противницей многожёнства. Кто знает, отзовись?!

Разумеется, никаких специальных учётных книжек роковая красавица не вела, дневниковыми записями не баловалась, а уж так называемая девичья память была у неё значительно короче, чем у подавляющего числа представительниц слабого пола. Это я очень-очень-очень прозрачно намекаю, что супружеской верностью Яга особо не страдала и всяческих там мужчин меняла на раз чаще, чем плетёные лапти в весеннюю распутицу. Как-то так...

На определённом этапе она жила нехилой криминальной жизнью, добывая средства к существованию исключительно преступным путём. Если вы поняли, то немало принцев-царевичей-королевичей, выпив зелена вина в бане с горбоносой красавицей-шалуньей, вдруг просыпались в глухом лесу неизвестно где, без гроша в кармане, да и вообще хорошо если в нижнем белье.

Однако убивать Яга не любила, что в конце концов заставило её в преклонные годы пройти духовное очищение в каком-то дальнем северном монастыре, а потом, сменив пару-тройку мест жительства, окончательно осесть в скромном Лукошкине.

– Йохана вашего я не трогала, – тихо и не вполне уверенно бормотала бабка, теребя платочек. – Немцы, венгры, французишки, британцы, поляки всякие частенько заглядывали. Но вот был ли тот австриец? Уж и не припомню наверняка... Иоганн, Йохан, Иван, уж больно имя распространённое.

– То есть алиби у вас нет?

– Белку в глаз бьёшь, Никитушка.

– Однако и у вас, Кнут Гамсунович, как я понимаю, на руках только косвенные улики?

– Натюрлих, герр Ивашов, но, к сожалению, политики играют другими картами.

В общем, хотим мы того или не хотим, есть улики или нет улик, было на самом деле какое-то преступление или не было, если определённые политические круги решили стравить Фридриха Вильгельма с Горохом, то они пойдут на всё! Один государь не может показать свою слабость в защите пропавшего наследника трона, а другой точно так же не позволит, чтобы известная на всё Лукошкино бабка-экспертиза была выдана европейскому суду и в кандалах отправлена на костёр.

Значит, если не война, то как минимум международный скандал и разрыв дипломатических отношений. Вы и сами понимаете, что это значит.

– Куда ни кинь, всё клин, – припомнил я подходящую случаю поговорку.

Яга с послом согласно кивнула. В такие тонкие политические игры мы ещё не играли. Да, собственно, это вообще не уровень маленького отделения милиции, согласитесь, да...

Интересно, есть ли у Гороха в боярской думе свой дипломатический корпус? Должен же хоть кто-то решать столь важные вопросы без войн, разруливая все острые моменты международных отношений...

Я ещё со школьной истории помню, что сначала все непонятки пытались урегулировать именитые священники с высокими вельможами или ещё какими-нибудь важными советниками, а уж по результативности этих переговоров в дело грозно вступали военные. Значит, какой-никакой шанс на мир всё-таки есть. И на том спасибо.

За дверью послышались лёгкие шаги, в горницу вошла Олёна. В руках бывшей бесовки была небольшая корзинка, прикрытая белой холстиной.

– Милый, тебе уже всё рассказали?

Я пожал плечами. Моя жена тихо улыбнулась и покосилась на Ягу. Бабка язвительно хмыкнула и так же молча кивнула. Кнут Гамсунович твёрдо отодвинул чайную чашку, потя-

нулся и молчаливо уставился на корзинку. Общая сцена группового молчания интриговала и зачаровывала.

В многозначительной тишине из корзинки на стол переключались: сухая воронья лапка, пузырёк с кровью (да, я не ошибся!), мешочек с чёрным порошком, кусок берёзовой коры и две серебряные монеты немецкой чеканки. Кажется, так...

– Ну что ж, напарнички, – бабка потерела бородавку на носу, значимо цыкнув зубом, – разойдись сей же час на три шага в стороны, я тут колдовать стану. А ты, гость немецкий из земли австрийской, сиди, как сидел, да тока под руку не болтай и с советами не суйся.

– Яволь, уважаемая. – Кнут Гамсунович невольно коснулся рукояти золингенской рапиры на перевязи, но тут же отдернул руку. Он реально верил нашей бабке, кто бы и что бы ни думал.

Мы с Олёной послушно сели на лавку, плечом к плечу, как лапушки. Я знал, сколь опасно вмешиваться в бабкины экспертные дела. Она ж тут такой химик, что ради научного эксперимента ни с какими потерями не посчитается. Было дело, у нас разок от взрыва крышу на Базарную площадь снесло, хорошо никого не покалечило, но всё отделение три дня не могло чёрные рожи в бане отмыть. Расскажу при случае поподробнее, не сейчас...

– Никитушка, дверь запри, – попросила Яга, зажигая большую свечу чёрного воска.

Я быстро исполнил приказ моей домохозяйки и вновь тихо сел рядом с женой.

– Давай, чего принёс, Кнут Плёткович.

Посол охнул, хлопнул себя ладонью по лбу и быстро достал из внутреннего кармана небольшой медальон. Я видел такие, это портрет в миниатюре, чтоб удобно было подарить любимому человеку для ношения на шее. Шпицрутенберг протянул медальон бабке, та хмыкнула, словно бы подтверждая, что этот молодой красавчик ей знаком. Вот, значит, как выглядел пропавший принц...

Меж тем глава нашего экспертного совета вылила содержимое пузырька в чистую белую миску, булькнула на дно две монеты, замочила наполовину берёзовую кору и, неторопливо посыпая всё это месиво крупнозернистым порошком, забормотала вполголоса:

Кровь-кровь, руда-руда!
Дальний ветер отпустил повод,
Во лесу берёзовом дорога,
Чёрно-белая недотрога.

Где следы, где огни,
Где мужские плечи,
Сизый туман разгони,
Покажи встречи.

Загляни туда,
Где памяти вода,
Прошлого в блике,
В вороньем крике.

Не было, было,
Что не остыло?
Век-век, год-год,
Течёт хоровод...

Как вы помните, я уже на автомате был приучен фиксировать за Ягой всю прелесть её распевных заклинаний, хотя, когда бабка шептала или, наоборот, орала так, что уши закладывало, запомнить, а уж тем более записать всё это попросту не представлялось возможным. Да вы сами попробуйте!

Тем не менее общее впечатление получалось примерно такое: Баба-яга у нас натура поэтическая, да и, как говорят, вся женская магия, по сути, и есть поэзия чистой воды. Жаль, что я в стихах ничего не понимаю, не учили нас этому в школе милиции.

Кнут Гамсунович тоже сидел как каменный, вытаращив глаза и боясь даже рот раскрыть, дышал осторожно, через нос. Грозная бабка меж тем размешивала загустевшую бурю жижу вороньей лапкой, методично капая в середину горячий воск со свечи. Воск шипел, застывая безобразными каплями, пока не собрался в некое подобие мужского профиля.

– Он? – строго спросила Яга.

Немецкий посол осторожно заглянул в миску, охнул и кивнул. Глава нашего экспертного отдела задула свечку и без сил опустила на скамью.

– Э-э... и что, так сказать, всё это значит? – осторожно спросил я, после того как Олёна крепко толкнула меня в бок.

– Был он у меня, Никитушка, – тихо призналась Яга. – Вспомнила я его. Хороший мужчинка, вежливый, с манерами, не приставал, под юбку руками не лез, в баню я сама его едва затащила. Наутро проснулась, а его, сердешного, и след простыл. Было чего меж нами, не было – не скажу.

– Почему?

– А потому как не знаю с гарантией, ибо пьяная была! Чё в душу-то лезешь, сыскной воевода? Чё те надо, соколики?!

– Ладно, ладно. – Я примиряюще поднял руки. – Давайте не будем о личном. Но всё равно получается, что вы единственная, кто видел покойного принца, и после встречи с вами никакой информации о нём нет. Следовательно, вывод?

– Вы должны найти наследника австрийского престола, герр Ивашов, – твёрдо объявил немецкий посол, деловито убирая медальон обратно за пазуху. – Я буду просить вашего государя Гороха, чтобы он отправил опергруппу на расследование этого дела. Да, это поздно! Да, я сомневаюсь, что принц Йохан жив! Но это единственное, что может предотвратить войну, столь желанную некими тайными силами в Европе.

– Ферштейн, – в один голос откликнулись мы с бабкой.

Я покосился на Олёну, её глаза наполнились слезами. Согласитесь, мы же ещё толком медовый месяц не отпраздновали, а тут то одно, то другое, то третье задание...

– Никита Иванович, отец родной! – В дверь вдруг застучали так, что дубовые доски хрустнули. – Дико извиняюсь, что я к вам обращаюсь! Но пришла беда, откуда не ждали, царь-государь всю думу созвал по делу срочному международной значимости. Вас с Бабуленькой-ягуленькой пред очи свои светлые требует! Так что ж, стрелять, что ли?

Мы вчетвером недоуменно уставились друг на дружку.

– Я говорю, бояре стоят с приказом у ворот, – терпеливо пояснил Митя. – Стрельцы сказали, что, дескать, ежели дружно пальнуть, так четверых-пятерых сразу положим, а там уже за нас, поди, весь народ заступится. Массово!

– Народу под вечер заняться нечем, кроме как очередной бунт устраивать?! – рыкнул я на него. – Пищали убрать, ворота открыть, бояр пропустить, подзатыльники им не отвешивать.

– А вы откуда узнали, Никита Иванович? Я ить только разочек и попробовал...

– Я всё знаю! – Мне было невыгодно признавать, что Митю прямо сейчас сдал бабкин кот. – Никакого рукоприкладства в отделении. Только если я сам попрошу в воспитательных целях, а так ни-ни!

– А если они мне опять язык покажут?

– И думать не смей! – уже в полный голос рявкнули мы с Ягой. – А бояр уважительных сопроводить сюда со всей вежливостью.

– Трудности воспитания, – с пониманием кивнул Кнут Гамсунович. – Поверьте, герр Ивашов, вы просто мало его порете. Вот, к примеру, у нас в Немецкой слободе утро начинается...

– С молитвы, хорового пения гимна Германии и воспитательной порки, – привычно продолжил я. – А вы в курсе, что при первом же заявлении от любого нетрезвого немца мы будем иметь право прикрыть вашу лавочку? Телесные наказания у нас в Лукошкине определяет суд и государь, а не каждая общественная организация отдельно.

– Вы хотите лишить нас священного германского права пороть?! Доннерветтер!

– Пока я смотрю на это сквозь пальцы, но ежедневная порка детей – это уже чрезмерно.

– Это наши дети, ферштейн, майн камрад полицай? Немецкие дети!

– Но на территории моего участка они будут защищены в соответствии с русским законодательством, а не варварскими традициями!

– Это мы-то варвары?!

– Никита, Кнут Гамсунович, вы чего сцепились-то? – влезла между нами Олёна. – Вон и бабушка уже за клюку взялась, домовый кинжал точит, давайте не будем сходить с ума-то.

Я тоже не мог бы внятно объяснить, какая муха прямо сейчас меня укусила. Что я на посла напустился? Какое мне, по сути, дело до внутреннего распорядка Немецкой слободы? Переутомился, что ли, отдохнуть надо, в отпуск на море, в санаторий какой-нибудь.

Мы с послом, не глядя друг на друга, успели молча пожать друг другу руки, когда дверь распахнулась. В горницу, пригнувшись из-за высоких шапок, вошли двое бояр. Носы вверх, морды наглые, вид самоуверенный. Ну здесь и не таких видали.

– Встань, сыскной воевода Никита-ста Иванов сын, – грозно потребовал один. – Указ государев холопам его велено стоя слушать! И все...

– И всем встать! – поддержал его второй, грозно пуча свои глаза.

– Митя, – тихо спросил я, – кто пустил клопов в отделение? Бумагу на стол положите и свободны.

– Мы указ царский принесли, а ты нам хамить?!

Наш младший сотрудник, стоя за боярами, нежно стукнул гостей головами и, когда звук пустых кастрюль стих, подхватил оба обмякших тела.

– В поруб, на холоде быстрее в себя придут. – Я встал и принял из рук жены выпавшую царскую грамоту. – А мы пока спокойно почитаем, что у нас тут. Ну-с...

Я сделал вид, что долго и внимательно вчитываюсь в короткий текст, написанный для солидности очень крупными буквами. Опустив обязательное перечисление титулов, восхваление государя с пожеланием ему многая лета, общая суть требований укладывалась в одну короткую строчку: срочно явиться в царский терем всей опергруппой! Не слишком хотелось на ночь глядя, но приказ есть приказ, и тут уж без вариантов.

– Думаю, я туда один прекрасно прогуляюсь. Смысл всем сразу тащиться?

– Нет, Никита, куда иголка, туда и нитка. А жена за мужем всегда идти обязана, – хлопнув себя по коленям, уверенно поднялась Олёна. – К тому же давненько я с царицей за чаем не сидела. С австрийским штруделем.

– Чай – это хорошо, это можно, – согласился я. – Главное, в баню больше вместе не ходите. Плохо это заканчивается.

– Мне тоже, видать, судьба на суд государев повинную голову нести. Погодите чуток, сотруднички, дайте старушке кацавейку на плечи накинуть – ночью такие сквозняки гуляют, аж жуть.

– Что ж, господа, надеюсь, никто не будет против, если и я прогуляюсь с вами? – решительно встал из-за стола Кнут Гамсунович. – В конце концов, как посол моего короля Фри-

дриха Вильгельма, я имею право присутствовать при вашем разговоре с государем Горохом. Если не как обвинитель, то как свидетель, я?!

Почему бы и нет? Никто из нас особо спорить не собирался. Тем более что Митя во дворе уже подготовил посольскую карету и, весело посвистывая, сидел на облучке. Военный эскорт из двадцати бородатых стрельцов под командованием Еремеева раздувал фитили и строился по росту.

Похоже, всё-таки придётся идти всем составом с помпой и песнями. Ну и ладно, а то вечно я там один да один, увеличим количество милиционеров на заседании боярской думы.

Собирайтесь, девки, кругом, начинаем песни петь!
У кого подол с разрезом, разрешите подсмотреть!
Мы ж не инквизиция, а своя милиция-а! –

грянули было наши стрельцы, но бабка быстро шикнула на них из кареты:

– А ну цыц, охальники! Темно уж на дворе, нашли время глотки драть! Дети-то спят, поди.

Еремеев тут же показал кулак самому голосистому, и парни мигом сменили тон. То есть без песен стрельцы в походе не могут, но репертуар у них оказался широкий.

Тихой ночью спят лисёнки,
И зайчатки, и мышонки,
И цари, и кузнецы,
И монахи, и купцы.

Лишь милиция не спит,
Ей поставлено на вид
Охранять того мышонка,
И зайчонка, и лисёнка,
И пока мы так поём, спи-ка, дитятко моё...

Под такую колыбельную да с плавным покачиванием на рессорах я и сам чуть не уснул. Горящий свет в царских окнах было видно издалека. Значит, не лёг ещё надёжа- государь, действительно встревожен, раз даже до утра не дотерпел.

Царские стрельцы распахнули для нас ворота, карета въехала во двор, и Митяй ловко остановил лошадей, так что мы могли сойти со ступенек сразу на крыльцо. Седой боярин Кашкин с благообразной бородой и горящими глазами вечного Казановы приветливо обнял меня при встрече.

– Здрав будь, Никита Иванович! Вижу, всей опергруппой пожаловали. Это хорошо, это правильно, это прямо вот сейчас очень к месту будет!

– Случилось что?

– Да подрались бояре в думе, – улыбнулся он так, что мне стала видна дырка от выбитого зуба. – Стало быть, время милиции вмешаться, порядок навести, ну а кое-кого за шиворот да на кол!

– Исполнением высшей меры наказания не занимаемся, – буркнул я и, обернувшись к еремеевцам, приказал: – Так, десять человек идут с боярином, выполняют его приказы. Четверо у кареты, мало ли чего? Остальные за мной.

– Сабли наголо? – предположил сотник.

– Фома, мы в гости пришли, а не государственный переворот устраивать. Не хватало ещё, чтоб наши стрельцы с царскими на пустом месте сцепились. Мы с Митей вперёд, а ты обеспечить охрану Бабы-яги и посла. Бабуля у нас важный свидетель.

– А я? – спросила Олёнушка и, не дожидаясь моего ответа, решила: – Я так, пожалуй, на женскую половину прогуляюсь с матушкой царицей парой слов перекинуться.

– Всем выполнять, – кивком подтвердил я. – Младший сотрудник Лобов, за мной!

Наверх мы поднялись вместе с еремеевцами, а там творилось натурально поле Куликово или Бородино. Весь зал для думских заседаний был практически поставлен на уши, местами не поменяли только пол и потолок, а в остальном разгромили всё, что могли.

Кстати, чего не могли, тоже чуточку погромили. Я к тому, что погнуть толстые медные подсвечники, два метра в высоту, две ладони в обхвате, даже Митька, наверное, не сразу смог бы, а тут пожалуйста, едва ли не морским узлом завязали. Страшна ярость бояр-телепузиков!

Именитые герои недавнего сражения валялись кто где, словно разбросанные игрушки в детском саду. Ноги вверх, руки в разные стороны, бороды набекрень, посохи в щепки, шапки зажаты зубами, повсюду кровь, слюни, бардак и мат-перемат...

– Выносить по одному, – приказал я. – Складировать на улице, пусть отлежатся на свежем воздухе. Если за кем придут жёны, отдайте без разговоров, а те им ещё и дома добавят. Особо буйных перевести к нам в отделение и башкой в поруб. Утром предъявим обвинение в организации несанкционированного мятежа и массовых беспорядков.

– Ну ты уж особо не лютуй, сыскной воевода, – прокашлялся за моей спиной подоспевший старик Кашкин. – Всё ж не простые людишки, а как один именитые бояре древних родов!

– Что только усугубляет...

Я уж не стал напоминать, что при желании его тоже можно (да и нужно бы) замести заодно со всеми. Вместо этого просто уточнил:

– Кстати, а где у нас тут царь?

Государевы стрельцы тут же загомонили, что-де уж Горох-то в сём безобразии явно не участвовал, не по чину ему оно. А сидит его величество себе в глухой печали в своём же отдельном кабинете со спаленкой, ибо с прекрасной матушкой императрицей при всех в хлам разругался на почве сложных международных отношений.

Кстати, из-за политики той проклятушей здесь же и честное боярство передралось. Одни кричали, что нельзя Бабу-ягу, как и любого русского, на иноземный суд отдавать, а другие орали, что-де то хороший повод милицию оборзевшую укоротить. Слово за слово, ну и началось...

– Спасибо за предоставленную информацию, – поблагодарил я, записывая всё в блокнот. Посмотрел на неуверенные лица стрельцов и добавил в понятной им манере: – Благодарю за службу, орлы!

Парни скромно заулыбались и дружно взялись помогать еремеевцам растаскивать побитых бояр.

Я дождался, покуда подтянутся сам Еремеев с бабкой и Кнутом Гамсуновичем, лично сопровождал их в соседнюю трапезную и попросил ждать там. Высунувшийся повар предложил чаю.

Яга по одной его расплывшейся роже на раз определила, что он на кухне сахар и масло гречишное тырит, после чего побледневший кулинар не только мигом выставил самовар, но и так накрыл стол, что мне уходить расхотелось. Приятно же, когда тебя во всём слушаются.

– В тереме царило тихое безвластие, – сам себе бормотал я, словно вслух читая книгу. – Государь самоустранился в одну сторону, его супруга – в другую, родовитые бояре передрались, а растерянные верноподданные с охотой приняли справедливую руку органов правопорядка, дружно передав бразды правления родной милиции. Тьфу, да что ж у вас тут произошло-то?!

Горох действительно сидел у себя. В шёлковой рубахе навывпуск, босой, в плисовых штанах и короне набекрень. Перед самодержцем стоял уполовиненный штоф янтарного французского коньяка. И ещё два таких же пустых стояли в углу. Начинается-а...

– Здравия желаю, ваше величество. Вижу, вы тут в одиночку Бажова перечитываете, «Синюшкин колодец»?

Государь недоуменно выгнул в мою сторону правую бровь. Он считает, что это производит убойное впечатление, бояре падают на колени, дворовые девицы начинают через голову снимать сарафаны, но на меня как-то не действует.

– Имейте в виду, что скатиться в эту яму легко, а вытаскивать вас за уши кто будет? Опять опохмелин у Яги заказывать?

– Твоё какое холопское дело, – буркнул царь, задумчиво глядя на пустую стопку. – Нудный ты человек, Никита Иванович, а как женился, так и выпить с тобой толком нельзя.

– А есть повод?

– Понял, наливаю, края вижу. – Государь быстро достал вторую стопку, набулькав уже на двоих. – Пряником закусывать будешь?

– Рукавом занюхаю.

– Уважаю.

– За что пьём?

– Ну-у, судьба наша такая...

– Вот с этого момента поподробнее, – остановил его я, и Горох, тяжело вздохнув, понял, что тост будет долгим.

Деваться царю было некуда, он сел прямо на пол, опустил, как говорится, буйну голову ниже молодецких плеч и пустился в пространный рассказ «житие мое...».

Можно я не буду описывать всё это в деталях и подробностях с многочисленными «инда», «коли», «понеже», «сие», «блазнить», «доколе», «ендова», «виждь», «десница», «длань», «тать», «внемли», «блудилище задунайское»... и так далее? Горох, когда хорошо выпьет, любит говорить красиво, переходя на так называемый высокий стиль древнерусского литературного. Короче, язык сломаешь.

Если же взять самую выжимку, то в песне о его горькой жизни не было ничего такого, о чём бы я не догадался. Дума с перевесом в четыре голоса приняла историческое решение отправить нашу легендарную бабку на европейский суд в знаменитый (не в этом времени!) городишко Нюрнберг. Дело о пропавшем австрийском принце почему-то должно было слушаться именно там, а сама казнь Яги планировалась быть проведена уже в Бамберге. Всё, как предполагал посол.

Горох своей самодурской волей послал их боярское большинство даже дальше, чем у меня фантазии хватило, и, хлопнув короной об пол, ушёл пить горькую. А почему? А потому что чисто русское упрямство не позволяло ему сдавать своих, и в то же время все прекрасно понимали, что Фридриху Вильгельму тоже деваться некуда, а значит, разразившийся международный скандал такого уровня неизбежно приведёт к войне. Причём не только с Австрией.

Та стопроцентно заключит военный союз с Германией, Пруссией и Баварией, следом вечно буйная Польша подтянется, потом Франция вспомнит о каких-нибудь старых обидах, ну а Великобритания уж тем более не останется в стороне. Старая добрая Англия никогда не отказывала себе в удовольствии напасть скопом на одного. Но самое поганое, что передавать с рук на руки мою добрую домохозяйку судебным представителям иностранных государств обязан был я.

– Теперь понимаешь, почему надо выпить, Никита Иванович?

– Яга утверждает, что ни в чём не виновата. Мы провели небольшую магическую экспертизу в присутствии господина Шпицрутенберга и выяснили, что принц Йохан действительно... Вы меня не слушаете.

– За твоё здоровье, участковый!

– Нет, ну сколько же можно, мать вашу?!

– Не трогай маму, она была святая женщина! Господь прибрал её весёлую, счастливую, в преклонном возрасте, с кубком вина на пиру. Смерть, которую пожелаешь любому!

– То есть алкоголизм у вас наследственный?

– Ну да, есть такое. Ещё по чуть-чуть? – нетрезво икнул Горох. – Ты энто, давай уже, зови сюда свою Ягу-то, что ли...

Глава нашего экспертного отдела скромненько вошла в царский кабинет, так, словно втихую подслушивала за дверями. Кстати, если подумать, то так оно и было, с бабки станется.

– О, какие тут балерины без охраны ходят?!

– И тебе не хворать, надёжа-государь, – низко поклонилась Баба-яга. – Чую, здесь наливают забесплатно?

– Наш человек, – уважительно подмигнул царь, наполняя свою стопку и пододвигая бабке мою.

В дверь деликатно сунулся немецкий посол.

– Прошу простить мою бесцеремонность, ваше величество, но я не смог сидеть в слободе, дожидаясь, как у вас говорят, у моря погоды.

– Кнут Гамсунович, друг сердешный, присоединишься, что ль?

– Данке шён! Почту за честь, ваше величество!

Ну, похоже, тут только я один трезвый как дурак стоять буду. Тем более что через пару минут в кабинет ворвалась грозная матушка императрица, за ней скользнула моя Олёна. Горох при всех получил по мозгам, безропотно отдал бутылку, и мы малым кругом крайне заинтересованных лиц провели срочное внеплановое заседание.

Прокуроров, адвокатов, обвинителей и судей не было, все искали компромисс. Если бы в тот момент писался протокол, то, наверное, он выглядел бы следующим образом:

«**Баба-яга.** Ни в чём не виновата, принца не ела, наоборот, накормила, напоила, в баньке выпарила.

Царь. Верю.

Царица. Допустить... допускать... допустим, я?

Посол. Не имею причин не верить, но хотел бы иметь доказательства.

Олёна. А я верю. И Никита тоже!

Я. Верю, разумеется. Я ж не самоубийца.

Баба-яга. Так вот, наутро он, кстати, сам убёг, не попрощавшись! Что мне, как женщине интересной, даже обидственно было, промежду прочим.

Я, царица, Олёна. Верим!

Царь. Да я сам сколько раз так сбегал, а?!

Посол. Вообще-то принц Йохан очень воспитанный. Имею лёгкое сомнение, что он мог так поступить с дамой.

Баба-яга. И чё теперича делать-то со мной будем?

Царица. Европейский суд в старий, добрый Нюрнберг есть самый гуманность и справедливость засудить в мире! Нихт ферштейн?

Я, Олёна, Баба-яга, царь и даже посол. Ничё не поняли...

Царица. О майне либен камераден, нет причин для стольких волнений, в Нюрнберг прекрасный здание тюрьмы, их бин памятник архитектуры. Посидеть там просто без дел, в ожидании казни, есть один полный удовольствий!

Я, Олёна, Баба-яга, посол. Без комментариев.

Царь. А я скажу! Дура ты после этого и есть, ферштейн, мин херц?

Царица. А ти... ти... есть алкаш!»

Пока эта венценосная пара орала друг на друга, как кошки на крыше, выясняя отношения, Кнут Гамсунович тихо поманил меня и прошептал на ухо:

– Герр полицай, у меня есть некий план. Признаем честно, что вашей уважаемой сотруднице в цивилизованной Европе не светит ничего, кроме костра на площади. Но если бы только она сумела предоставить неопровержимые улики смерти принца в другом месте от рук убийц или от естественных причин, то есть надежда...

– А вы уверены, что он умер? – уточнил я.

– Друг мой, вашей бабушке на вид лет триста, наследник престола пропал ещё лет сто назад! Естественно, он мёртв. Но по нашим австрийским законам некоторые преступления не имеют срока давности.

– Ваши предложения?

– Наверное, я уже слишком долго живу в России, – задумчиво протянул он, отводя взгляд. – У вас огромная страна, бескрайние земли, в них так легко затеряться беглецу. Что будет?

– Дело передадут милиции, которая обязана не только найти и вернуть преступника, но также подготовить доказательную базу под его вину или невиновность.

– Вам просто нужно время.

– Которого по закону нам никто не даст, – согласился я. – Значит, заговор?

– О найн! Мы, европейские дипломаты, предпочитаем называть это устным соглашением, – тонко улыбнулся посол и громко попросил: – Милые фройляйн, вы не могли бы на полчаса оставить нас одних. Нам предстоит суровый мужской диалог. Возможно, даже с нецензурными словами на русском и немецком. Потом нам будет стыдно смотреть вам в глаза.

Олёна и Лидия Адольфина после секундного размышления силой увели брыкающуюся бабу, кричащую, что вот она-то как раз бы иноземные матюки и послушала. «Образованию ради» и чтоб знать, чем судьям в том Нюрнберге в лицо правду-матку лепить! Когда мы остались втроём, я первым попросил царя:

– Тут такое предложение есть... Наливайте, короче.

Горох бодренько наполнил коньяком три стопки.

...В отделение наша опергруппа вернулась далеко за полночь, спать никто не ложился, смысла не было, а вот дела были, так что уже на рассвете Баба-яга, собранная и тепло одетая в дорогу, сидела в ступе, давая нам с Митькой последние указания:

– Васеньку, кота моего, кормить не забывайте! Назимка, он хоть и хороший домовой, однако ж к Васе до сих пор ревнует меня зазря. В горницу мою не шастать! Мало ли чего я там из белья нижнего поразбросала. По сусекам не скрести, нигде ничего не шарить, весь алкоголь под замком, не облизывайтесь даже! За порядком пуцай Олёнка твоя следит, увижу, что полы немытые али занавески нестиранные – с неё одной по всей строгости спрошу! Я ить и клюкой могу вдоль хребта отметелить, у меня на энто дело разговор короткий, сам знаешь.

– Знаю, знаю, – поспешил успокоить я. – Вы, главное, не волнуйтесь, далеко не улетайте, уже после обеда мы встретимся на полпути в Подберёзовку. Дальше едем вместе.

– Ох, Никитушка, чёй-то всё ж таки боязно мне терем бросать. Да и чего я, старая, в тех Европах не видела?

– Давайте не будем, а? Договорились уже. Всё строго по плану! Главное, не забудьте сделать пару кругов над городом, на малой высоте, чтобы как можно больше людей могли подтвердить ваш несанкционированный вылет из Лукошкина.

Яга вздохнула, скорбно покивала, крепко обняла меня на прощанье, многозначительно подмигнула стоящей на крыльце Олёне, зачем-то погрозила сухоньким кулачком Митьке и низко поклонилась всему нашему отделению. Дежурные стрельцы в ответ сняли шапки и перекрестились.

Чёрный кот махал лапкой из-за оконного стекла. По небритой морде стоящего за ним азербайджанского домового катилась скупая закавказская слеза. И причина была весомой...

Наша всеми любимая домохозяйка волей судьбы, рока и общего собрания заговорщиков отправлялась в вынужденное изгнание на неопределённый срок, и никто на всем белом свете не мог дать гарантию, вернётся ли она вообще в тихое, родное Лукошкино.

– Никита Иванович, а ить я знаю, где бабуленька вишнёвую прячет, – как бы себе под нос пробубнил наш младший сотрудник, когда ступа с Ягой взвилась под облака.

– Даже не думай.

– А ежели что, мы на кота Ваську свалим.

– Митя! Пошёл вон!

– Куда?

– В... в баню! Помойся перед долгой дорогой, заключённых из поруба выпусти, избушку на курьих ножках в порядок приведи, сухой паёк у Назима получи, Олёна вещи тёплые выдаст, всё-таки не на один день уезжаем.

Он сурово сдвинул брови, развернул плечи и, старательно печатая шаг, отправился исполнять. Мне оставалось не более получаса до экстренного вызова в царские палаты. Кнут Гамсунович и Горох должны были обеспечить необходимую часть шоу со своей стороны. Царицу мы в наши планы не посвящали, но своей жене я, естественно, во всём признался ещё ночью.

– Когда пойдёшь, Никита?

– Минут через десять Гороху доложат о бегстве Яги из города. Царь, естественно, будет в страшном гневе и вызовет меня на ковёр, поорёт, потопает ногами, а потом при всех официально отправит нас в погоню. Кнут Гамсунович успокоит мировое сообщество, европейские державы будут лишены морального повода для нападения на Лукошкино, поскольку виновница бежала, но правоохранительные органы уже идут по следу. Соответственно, пока все думают, как кому быть, мы с Бабой-ягой и Митей пытаемся проследить путь покойного принца и вернуться с весомыми доказательствами нашей полной непричастности к его смерти. Ну вот вроде как-то так.

– А если не найдёте?

– Мы же милиция, – улыбнулся я, обнимая Олёну. – Мы всегда всё находим, работа такая.

– Почему ты не берёшь меня с собой?

– Прости, но ведь кто-то должен присматривать за домом и отделением. Еремеев хороший мужик, но всё-таки будет спокойней, если тут останется человек, имеющий связи при дворе. А ты у нас первая подружка самой царицы.

– Хитрец ты, участковый. – Моя жена прижалась к моему плечу. – Вот ведь знаю я, что ты меня обманываешь, потому что любишь и бережёшь. Да и, правду сказать, в конце концов, кто ж тут сможет за всем и всеми присмотреть, как не бывшая бесовка?

При этом слове что-то тренькнуло у меня в голове, какая-то запоздалая мысль безуспешно мелькнула на задворках и пропала. Такое бывает: кажется, что упустил что-то важное, но на деле всегда какая-то ерунда – стукнулась и убежала. Потом додумаю...

Меж тем из поруба нестройной колонной потянулись замёрзшие бояре, последним, дрожа и даже уже не матюкаясь, подпрыгивал совершенно отмороженный на голову дяк. Я попросил Митьку выстроить их всех вдоль забора, где произнёс короткую напутственную речь:

– Граждане алкоголики и тунеядцы! Надеюсь, вы пришли в себя, протрезвели и осознали? От себя напомним: депутатам Государственной думы... тьфу, всем честным думским боярам будет предъявлено обвинение в злоупотреблении алкоголем и противоправных, хулиганских действиях, выраженных в массовых нарушениях общественного порядка. Вопросы?

– А по-русски можно? – простонал кто-то. – Башка после вчерашнего трещит.

– За драку и пьянку вы все заплатите денежный штраф в казну. Возможно, какие-то воспитательные меры предпримет сам царь. В остальном не смею задерживать. Что нужно сказать?

– Храни Господь тебя, ирода, и всю твою милицию, – нестройным хором отозвались бояре, тайно сжимая за спиной пальцы в кулаки и кукиши. Можно подумать, я об этом ни разу не догадываюсь.

– А вот вас, дьяк думского приказа Филимон Митрофанович Груздев, я попрошу задержаться.

Тощий герой улиц и вольный борец с «милицейским произволом» настолько замёрз в порубе, что даже говорить не мог. Ему мешала большущая зелёная сосулька под носом.

– Вам вменяется в вину попытка организации мятежа и провокационные действия против жителей Немецкой слободы. С сегодняшнего дня и до окончания расследования вы под подпиской о невыезде. Ну типа на работу или погулять выходить можете, но город покидать категорически не рекомендую.

Гражданин Груздев попробовал было показать мне язык – не вышло, попробовал отогнуть средний палец, хотя бы согнуть руку в локте или хотя бы плюнуть, но тоже увы.

– Какое же всё-таки полезное место этот наш поруб, – пробормотал я, жестом приказывая стрельцам вытолкнуть дьяка за ворота. – А бабка в нём только продукты хранила, наивная. Тут тебе и вытрезвитель, и камера предварительного заключения, и комната психологической разгрузки, сразу три в одном. Мечта!

Я проводил Олёну в терем, попросив приготовить нам запас продуктов на три дня. Потом подозвал слоняющегося после бани Митьку, ещё раз напомнил ему о его обязанностях, отправив на задний двор подготовить избушку на курьих ножках к дальней дороге.

Ввёл в курс дела Фому Еремеева, которому в наше отсутствие предстояло выполнять функции и. о. начальника Лукошкинского отделения милиции. Хотя вот с Фомой, по сути, было проще всего: за время нашей совместной службы он так вышколил своих ребят, что лично я вообще бы мог уйти на пенсию, тут и без меня уже ничего не развалится. Так, что ещё? Ничего не забыл?

А-а, я потребовал, чтобы мне оседлали Сивку-Бурку, и вскоре за Базарной площадью раздался холостой выстрел из пушки. Горох давал знать, что все в сборе и мне можно выдвигаться к царскому терему. Пока ехал верхом, подбоченясь, через весь город, то старался честно кивать на все приветствия и не обращать внимания на слишком уж выразительный шёпот за спиной.

Выглядело это примерно следующим образом:

– А и доброго вам здоровьечка, Никита Иванович! Уж так благодарна вам за то, что мужика моего, грубияна, в порубе уму-разуму научили, он больше руки не распускает!

Я кивнул, проехал, а вслед:

– Дома за печью сидит, аки таракан усатый, на улицу и носу высунуть боится. Тока жрёт чё ни попадя, скоро по миру пойдём с таким проглотом, всё спасибо родной милиции-и...

– Святой человек наш участковый, Аллахом клянусь! Лавку мою обижать не дал, охрана поставил, даже денег не взял. А я давал, э-э, мы, восточные люди, не жадные! Специями торгуем, честно торгуем. Раньше мало-мало гашиш продавал, анашу, травки немнога Чуйской долина там. Теперь только специи, э-э! Ты куркуму в гречневую кашу попробуй продай? А зиру в щи? А хмели-сунели в кисель?! Разорение одно! У-у, шайтан форменный!

– О-о, сыскной воевода! Красавчик, прям принц на белой кобыле. Да не пью я больше, не пью, и муж мой не пьёт, и дети. Младшенький так и в рот не берёт! А ить ему-то к зиме сороковник стукнет, но милицию уважае-эт! В штаны ходит ночью, но не пьёт! И муж мой также... тоже... в штаны вместе со всем семейством. Так ить зато эта, как её, борьба с алкоголизмом! И тока рискни кто сказать хоть слово против...

Не буду врать, определённые перегибы в работе отдела на уровне низшего звена, разумеется, были. Стрельцы Еремеева порой, наверное, возможно, изредка несколько превышали свои полномочия. Но это ведь не от плохого нрава, а исключительно в служебном рвении. Понятно, что хорошего мы делаем в миллион раз больше, но, как говорится, всех молчать не заставишь.

– А что ж, православные, тёща моя своими глазами видела, как бабка экспертизная в одной нижней рубахе, страшная, как смерть, из Лукошкина пешком драпанула! Чует, поди, стерлядь милицейская, что пора и ответ держать за грехи свои тяжкие. Уж я-то и на суде засвидетельствую, что была она меня клюкой без всякой жалости. А за что? За что, православные? Подумаешь, коту ейному чёрному на хвост наступил. Ить не со зла ж, а исключительно веселья души ради!

Я не буду перечислять всё. Народ у нас в целом очень хороший, граждански активный и всегда готов помочь органам. Но, естественно, когда наводишь порядок, то не всем и не всегда это нравится. Горох всегда говорит, что «сыскной воевода не червонец, чтоб его все любили». В чём-то он прав. Хотя если вспомнить, сколько раз мы силами милиции спасали это самое Лукошкино, то, по идее, местные жители могли бы относиться к нам и полаяльнее.

Знаете, наверное, мне не стоит грузить здесь всех подряд долгим рассказом о том, как я приехал к царю, как меня час томили в прихожей, как вызвали на полновесное заседание боярской думы и что там дальше было. Честно говоря, мне просто неприятно всё это вспоминать.

Но в целом, если опустить, как старательно, театрально и чудовищно неправдоподобно орали на меня царь, царица и Кнут Гамсунович, – всё шло строго по плану. Короче, назад в отделение я вернулся с государевым приказом на руках – найти бесстыжую беглянку Ягу, арестовать её на месте и в кандалах доставить её в Лукошкино вместе с полным расследованием тайны гибели наследника австрийского престола прекрасного принца Йохана.

Базарный люд, как всегда, всё знал: сплетни у нас разлетаются быстрее, чем спам-рассылка почтой любой интернет-компания. Кричали, шумели, кланялись, обсуждали, хватили друг дружку за грудки, спорили, но ни одного плохого слова вслед не сказали – изменников у нас на Руси не любят.

– Цыганка с картами, дорога дальняя-а. Эх, Никитка-Никитка, буйная головушка милицейская, коротка была с царём дружба, да долгой будет царю служба! Прости, если что, нас за Христа ради, и мы о тебе тут помолимся. И помянем, и свечку поставим, всё как у людей.

– Ой горе-е, ой горе-е горькое! Судьбинушка страшная-а, беда неминуемая-а. Мало того что я его, участкового, пятьдесят годов ждала, три раза вдовствуя, а он, окаанный, оженился, да не на мне, а теперича и вообще из городу лыжи свиным салом мажет. Вишь вона, Европы с фонарями голландскими красными ему подавай! Куды только Господь Бог смотрит?! Да нешто я б ему, участковому, без одёжи в окне не сплясала? Нешто я б ему лебеды с мухоморами покурить не дала? Нешто я б ему с мужичками полюбовно блудить не позво... упс! А ить и верно, не позволила б! Ох и горе-е! Горькая кручина бабская, едет-едет сокол наш в славный город Амстердам, поди, обратно в Лукошкино на тонких каблучках возвратится, во чулках ажурных да корсете затянутом. Горе нам, бабы-ы!

Это был самый длинный и дотошный крик души из всех, что я слышал за последние полгода, а может, и вообще ничего подобного не слышал. Поэтому и запомнил.

– Ай, сыскной воевода, молодой, красивый, коня продай! Кобылу свою, Сивку-Бурку, хорошую цену дам, ай?! Сам видишь, немолодая уже, шаг неровный, плечо опущено, ноздри мокрые, хвост поредел, зачем тебе такая, ай?! Продавай, пока плачу! Я при деньгах, больше меня никто не даёт, за весь базар отвечу, ни у кого таких цен нет! А то смотри, ты уедешь, я её сам украду! Честно тебе говорю, сыскной воевода, цыгана Яшку все знают, только поймать не могут. Ай, как я люблю нашу милицию-у!

Ну согласитесь, люди у нас хоть и разные, но добрые. Даже если гадость сделать собираются, так всегда тебя честно предупредят. Приятно же...

Единственный неприятный сюрприз ожидал нас у ворот отделения, но о нём чуть позже.

– Митя, избушка к походу готова?

– Так точно, Никита Иванович, отец родной, – привычно отрапортовал он. – Харч в короба да корзины уложен, супружница ваша чистое бельё да одежду сменную в коробе подала, кот Васька усами на место тайное указал, где бабуленька настойку хранит, так я две бутылочки...

– Две? – не поверил я.

– Пять, – тут же поправился Митька. – Позаимствовал исключительно здоровья ради, а домовой басурманный Назимка нам в долгий путь пирогов осетинских напёк и чебуреков с сыром, а ещё пообещался любого, кто в отсутствие ваше к Олёне-бесовке клинья подбивать начнёт, как есть зарезать! Вот та-а-акой кинжал мне показал, аж жуть...

– Я в терем и поехали!

Мне хватило минуты, чтобы обойти двор, ещё раз мысленно проститься с родным отделением и забежать в горницу, где меня ждала жена. Как вы понимаете, описывать или пересказывать наш диалог простыми словами вряд ли возможно. Есть ситуации, когда взгляды, губы и руки куда красноречивее слов.

– Я буду писать. Не знаю как, но буду.

– Милый, не волнуйся за меня. Всё будет хорошо, я сумею о себе позаботиться и отделение без присмотра не оставлю.

– Еремеев предупреждён, стрельцы тоже. Разумеется, прямых приказов от бабы... прости, от женщины они исполнять не станут. Но ты же у меня умничка.

– Я прекрасно умею управлять мужчинами, не сомневайся. Ну и, честно говоря, личная дружба с царицей Лидией Адольфиной тоже немало значит. Главное, возвращайся поскорее.

– Как только, так сразу!

– Я понимаю. И всё равно очень-очень-очень жду тебя, Никита. Любимый мой, единственный, сыскной воевода-а...

В общем, как вы, наверное, поняли, вышел я примерно через полчаса. Расцеловал при всех румяную от смущения Олёну, помахал стрельцам с крыльца терема, пожал руку Еремееву, влез по лесенке в избушку на курьих ножках, и уже за воротами...

– На, подавись, аспид в погонах, – дьяк Филимон Груздев, мрачный, как кот, проспавший март, подал мне царский указ. – Волею государя нашего и супруги евонной и всея боярской думы при одобрении назначено мне с вами в те Европы ехать для полного доклада и чтоб вы там без баловства всякого за казённый-то счёт!

– То есть вы нам деньги привезли? – не сразу поверил я.

– Царь наш Горох отсыпал в великодушной своей милости, – начал нудеть дьяк, неохотно протягивая мне солидный мешочек с золотыми червонцами.

– Э-э, здесь не всё.

– Ах ты, фараон милицейский, гнилофан в фуражке, змий беспонтовый, лапиндос египетский, чуркобес сатанинский, бесоватое семя, да как ты только смеешь...

– Митя, – попросил я.

Наш младший сотрудник, по пояс свесившись из окна, поймал орущего дьяка за шиворот, втянул в избушку и хорошенько потряс, держа вверх ногами. С десяток тяжёлых монет упали на пол.

– А теперь выкинь этого скандалиста!

– Не посмеешь, сыскной воевода, – злобно ощерился дьяк, забившись в угол у печки. – Приказ царский читал? Так вот, нет тебе от меня избавления! А чего? Может, не одному тебе интересно ту Голландию посмотреть, о которой бабы на базаре брешут.

Да. Как вы понимаете, это и был тот малоприятный сюрприз, о котором я упоминал ранее. Ну вот почему, скажите на милость, ничего в этом городе, в этой стране, в этом мире не происходит без ведома самого занудного, противного и мелкого чиновника какого-то там думского приказа?!

Я лично не понимаю, но, быть может, хоть кто-то мне объяснит, каким образом второстепенный персонаж начал лезть во все наши дела и фактически стал негласным членом лукошкинской опергруппы? То есть мы же без него никуда! Как, впрочем, и он без нас на фиг кому нужен...

– Чё делать-то, Никита Иванович?

– Как доедем до городских ворот, высаживай эту бородатую орхидею на ближайшую полянку, стражникам на руки, ногами вверх!

– Я жаловаться буду, – пискнул было Филимон Митрофанович, но вовремя прикусил язык под суровым Митиным взглядом.

Если кто не помнит, так мне и подсказать нетрудно: в своё время наш гражданин Груздев активно набивался в законные мужья к овдовевшей Митиной маменьке. И как я понимаю, что-то там у них не срослось. Она осталась у себя в деревне, а любвеобильный дьяк вернулся с нами в Лукошкино. Лезть в их личные отношения у меня не было ни желания, ни обязанности, посему мне глубоко фиолетово, как там всё разрулилось и в чём затык.

Но Митя! О, наш Митя крепко помнит, что в любой момент Филимон Митрофанович мог бы потребовать от него называть себя папой.

– Бог с ним.

– Не понял, Никита Иванович?

– Я сказал «бог с ним», то есть выедем за ворота и где-нибудь там высадим пассажира.

Увы, даже этому весьма скромному и крайне человеколюбивому плану сбыться не удалось. В том смысле, что у городских ворот нас тормознули царские стрельцы для проверки документов. Нечто среднее между таможей и ГАИ, но по факту заменяющее и то и другое.

Старший стрелец отвёл меня в сторону, честно предупредив:

– Тут у нас приказ из думы за царской печатью и подписью. Вроде как дьяка Фильку вам в нагрузку дали. Так уж ты, Никита Иванович, окажи такую божескую милость, по-братски прошу, не выкидывай его, гада, ближе чем за десять – пятнадцать вёрст. Ить доползёт сюда, так столько вони будет, сам же понимаешь.

– Уговорили, – сдался я. – Если что понадобится, обращайтесь к Еремееву. Вы нам помогли, мы вам поможем, в конце концов, одному делу служим.

Мы козырнули друг другу, и ворота распахнулись. Как ни верти, но хотя бы до границы присутствие гражданина Груздева придётся терпеть. Я даже подумал было связать его, сунуть кляп в рот и для полного успокоения дать чем-нибудь по башке, но стоило ли...

– В полночь, как уснёт, я его в окошко выкину?

– Договорились, Мить.

– Я всё слышу!!! Навухудоносоры безбожные, филистимляне бесстыжие, волки позорные, собаки сутулые!

Ну примерно в таком вот ключе мы провели примерно три четверти часа с самым нудным идиотом в замкнутом пространстве. Если кто помнит, какая заноза в заднице (оба слова отлично характеризуют гражданина Груздева!) наш дьяк, то попробуйте представить, как он нас доставал, будучи полностью уверенным, что имеет право контролировать деятельность следствия. У него, блин, приказ на руках, решение всей боярской думы «следовать за Никиткою – сыскным воеводой и про все его дела-делишки в столицу подробнейший доклад писать».

Я подозревал, что просто так нас никто не отпустит, тем более в Европу. Бояре отроду из Лукошкина носа не высовывали, искренне считают всю восточную сторону дикой, а всю

западную распушенной. И ведь не то чтоб я с ними во всём не согласен. Просто у меня чисто исторического опыта больше, если так можно выразиться. То есть я же из будущего!

В том смысле, что мне реально было известно о том, куда приведёт европейские страны их история, а наши бояре на святой Руси лишь предполагали, гадали и фантазировали на эту тему. О чём это я? Да о чём угодно, лишь бы не слышать нудного ворчания дьяка.

– Ить наш государь-то мне верит! Знает он, кто ему опора верная, а кто хвост пороссячий! Я ж того Гороха ещё с молодых ногтей знаю, он при мне ещё пелёнки пачкал. А теперича царь! Кому он царь? Мне, что ль?! Да я про всех бояр наперечёт по пальцам расскажу, у кого какие грешки, какие делишки, какие тайны спрятаны! Да и кто, кроме меня, всё-то знает-ведает?! Никто. Я! Только я! А почему? А потому как заслуживаю искреннего доверия. Веры государевой! Ибо...?!!

Мне было трудно всё это слушать, но Митька на каком-то этапе даже начал принимать подобные бредни за чистую монету. Похоже, он всё ещё слегка побаивался дьяка. Не его самого, конечно, а просто всех тех неприятностей, в которые гражданин Груздев столь успешно втравливал нас за всё время моей новой службы. Как у него это получается, ума не приложу...

– Младший сотрудник Лобов, слышишь шум?

– А то, Никита Иванович! Это ж наша Бабуленька-ягуленька посадки просит.

«Просит», собственно, не то слово. Наша бабка-экспертиза ни у кого ни на что разрешения спрашивать не будет. В принципе она бы запросто нам на крышу села, но моя опытная домохозяйка успешно приземлилась в десяти метрах от избушки прямо по курсу. Хорошо ещё избушка слушается голосового управления лучше, чем «мерседес» рулевого. Мы успели затормозить на раз-два, а бабка широко улыбнулась нам своим самым страшным оскалом.

– Стопорись, соколики! Принимай меня, старую, на борт, а ступу мою верную на буксир. Посторонись, Митенька, зашибу же дурачка к лешему...

Я вышел из избы и помог Яге пришвартовать ступу на крыльцо.

– А это ещё что?

В дубовом боку ступы торчали две оперённые стрелы и кривой турецкий нож с чёрной рукояткой.

– Разбойнички налетели пограбить да под юбку залезть. Но я навряд ли помелом отбилась. Признаться, мы с Митей долго переваривали полученную информацию.

Во-первых, какой идиот «налетит» на Бабу-ягу?

Во-вторых, какому психу интересно, что у неё под юбкой?

В-третьих, с какого бодуна у нас тут объявились разбойники, когда мы ещё и час как от Лукошкина не отъехали?

И наконец, в-четвёртых, куда, мать их, милиция смотрит?!!

Ну да, чуть позже, с учётом того, что милиция – это мы и есть, появилось здоровое желание взять преступность за шиворот и хорошенько выбить из них столь хамское отношение к органам. Прямо с зубами выбить, если вы поняли, о чём я! И мы бы, уверен, справились, просто не успели.

– Руки вверх, начальник! Мы тя щас грабить будем.

Из-за кустов с обеих сторон дороги вышло шесть плечистых мужиков с уголовными как есть рожами. Про «печать порока» на их мордах говорить не приходилось. Это скорее уже был просто штамп, словно кто-то пришёл и попросил: «Мне нужно шесть конкретных разбойников». А ему: «Вот типовой образец, шесть штук, именно разбойников! Получите и пробейте на кассе».

– Выходи, а не то пальнём!

Самый высокий громила с всклокоченной бородой а-ля Пугачёв и безумными глазами а-ля Жириновский выкатил из кустов маленькую пушку а-ля мортира и, гнусно ухмыляясь, щёлкнул кресалом над головой.

– Ежели в упор пальнёт, так, поди, всю посуду в избе переколотит, – не разжимая зубов, прикинула наша эксперт-криминалистка. – Чё делать-то будем, участковый?

Митяй начал молча засучивать рукава, я попытался дотянуться до табельного ухвата, невзирая на целых трёх лучников в рядах этой придорожной бандгруппировки, – когда что-то чёрное скатилось с крыльца и грозный визг Филимона Митрофановича заставил присесть даже выдавшую виды избушку.

– Это какая же фря мерзотошная тут своё вякало расхлебенило? Это же какого Аменхотепа египетского мумия ноздри сопливые отверзла? Это какие тут петушилы колотые в реальном времени конкретной братве заявы малюют вилами по навозу, ась?!

Сказать, что разбойнички припухли, нельзя. Припухли скорее мы. Атаман грабителей, конечно, удивился, но не отступил.

– Ой, хтой-то тут чирикает? Да я глотки резал, когда ты, дедуля, ещё молоко сосал в коровнике! Да у меня ноги по колени в крови, да мои сотоварищи сырое мясо с ножа не едят, они его руками рвут! Да у нас...

– А ну цыц! – Безумный дьяк резво бросился вперёд, хватая разбойника за бороду. – Чё ты сказал? Чё тут вслух прогавкал, шавка ты колченогая? Да я под самим Кощеем ходил, самому Змию Трёхголовому советы давал, у самого царя Гороха из карманов мелочь тырил! И кто ты после этого, свинота белобрысая, чмолота болотная, сусляндия гниlostная, лапотня приплатнённая-а...

Вот теперь замерли уже все: и мы и они. А обычный работник думского приказа чихвостил бандитов и в хвост и в гриву на таком чудесном сленге, о котором я и понятия не имел.

– Охладись, сколопендра небритая! И пушечку свою, пукалку медную, с глаз моих убери, покуда я её тебе при всех в такое место мизинцем не затолкал, что приспешнички твои, как репку, неделю тянуть будут! Я – думный дьяк в законе, а от вас, хмырил чернопрудненских, за версту трупами смердит. Я вас всех тут урою, запорю, за кирдык подвешу, так что вы у меня муравьев жрать будете и мочой козлиной запивать.

– Какой мочой? – нервно пискнул кто-то.

– Неразбавленной!

Филимон Митрофанович пришёл в такое неистовство, что уже начал рвать на впалой груди рясу, скрипя зубами так, что даже Яга поёжилась.

– Да мы ж не при делах, на такие-то раскопы не подписывались, – невольно отступил атаман шайки. – Нам за участкового заплатили, а ты, мил-человек, не серчай, иди себе подброду. Мы неволить не станем и грабить не будем, своих не трогаем, понятия имеем, берега не путаем.

– Чё?! – взвился гражданин Груздев, правой рукой не выпуская бороды разбойника, а двумя пальцами левой резко ловя его за ноздри. – Да я те щас при всех борзой нюх порву! Какой я тебе «свой»?! Ты, петушила подзаборная? Нечёткие вы пацаны. Я всё сказал.

Повисла тишина. Нет, кузнечики, конечно, ещё как-то стрекотали, но не более, даже вороны с сороками заткнулись.

– И что ж теперь делать-то? – потерянно спросил один из разбойников, опуская лук.

Дьяк вопросительно обернулся ко мне. Я откашлялся, стараясь придать голосу максимальный вес:

– Граждане бандиты! Приказываю добровольно сложить оружие, после чего гуськом идти в Лукошкино, где сдать милицейским стрельцам Фомы Еремеева. Он определит вас в поруб, а далее... ну не знаю, видно будет по совокупности преступлений! Вопросы?

Все молча кивнули. Атаман вроде отказывался сначала, но Филимон Митрофанович, держа его за нос, заставил-таки кивнуть.

– Что ж, если вопросов нет, сдать кастеты и кистени нашему младшему сотруднику. А потом шагом марш!

Минут через десять, глядя вслед старательно топающим разбойникам, Митяй ссыпал весь их боевой арсенал в ближайший овражек и неуверенно спросил:

– Так что, дьяку вроде благодарность служебную вынести надобно? А то ить, как ни верти, он по-любому нас от беды избавил.

Я поморщился. По факту да, избавил и спас. Но желания благодарить никакого! Я обернулся к Бабе-яге, она со вздохом кивнула.

– Гражданин Груздев, прошу вас вернуться в избушку, мы отбываем.

– Сей момент, сыскной воевода!

– Надеюсь, вы понимаете, что мы бы прекрасно справились и без вашей помощи?

– Ну да, ну да, как не понять.

– Короче, вы в команде?

– Куды ж я, грешный аз есмь, денусь?! – с чувством протянул Филимон Митрофанович и полез на крыльцо.

– Откуль ещё и энтот фрукт с нами нарисовался? – спросила бабка, когда дьяк исчез в избушке.

Пришлось коротенько объяснить, что это царский приказ, дипломатическая уступка боярской думе, которая как противовес зачастую уравнивает как положительные, так и отрицательные стороны самодержавия. Моя домохозяйка, будучи женщиной опытной, пожившей на свете не при одном государе, со всем мудро согласилась, сочувственно покивала, задумчиво потеряла волосатую бородавку на носу и объявила о решении пойтить-ка да выпить чаю.

Избушка пошла себе привычным маршевым ходом по просёлочной дороге от рощицы к перелеску, между полями, далёкими деревушками, держа курс в том направлении, которое загодя было запрограммировано и назначено ей Ягой. Я же некоторое время простоял на крыльце один в раздумьях о причинах собственной недалёковидности.

Это, как вы догадались, лёгкая общепринятая формулировка исключительно для внутреннего применения. А так, если по-честному, то я костерил себя всеми матерными ругательствами за то, что вовремя не спросил этих бандюг доморощенных, кто же заказал им обновить лукошкинскую опергруппу? Кто заплатил за то, чтобы нам устроили засаду? Бояре? Немцы?

Нет, по традиции понятно, что в девяноста девяти случаях во всём виновен Кощей Бессмертный! Верно же?

Он у нас извечный враг, главный преступник и криминальное лицо, ответственное почти за все преступления, произошедшие не только в Лукошкине, но и почти на всей территории царства-государства нашего славного Гороха! Однако, с другой стороны, если мы будем автоматически вешать всё только на него, то есть риск недолго думая пропустить появление и других, не менее опасных террористических групп.

В своё время, не так давно, я чуть было не повесил всю вину на иноземного Змея Горыныча, хотя в результате расследования вдруг чётко проявилась тайная роль гражданина Бессмертного, дергавшего за ниточки! То есть по логике и обратная вариация могла бы произойти в любой момент.

Ну чисто теоретически, да? Вот именно. Значит, надо думать.

– Ох, Олёнушка, – совершенно неожиданно для самого себя выдал я, – куда ж я от тебя уезжаю, зачем и почему? Что у нас на Руси происходит, из-за чего мы вечно воюем? Хорошо, пусть не сами мы, но вечно кто-то пытается выстроить свою линию против нашей, даже если у нас её, линии защиты, до того момента и в мыслях не было?

А когда я наконец вернулся в избушку...

– Митя? Бабушка?

– Ой, не делай такое лицо, участковый, – хрипло ответила Яга, помогая нашему младшему сотруднику максимально эффективно заломить руки за спину боярскому соглядатаю. –

От ить можно подумать, что нам тот шпиён с царским приказом так уж нужен? Да ежели мы его где ни попадая потеряем, так нешто кто заплачет?

– Отставить! – громко приказал я. – Если наше начальство решило, что дьяк обязан, как блогер али скандальный журналист, докладывать буквально всё о наших делах и перемещениях, то так тому и быть. Надеюсь, я выражаюсь в правильном стиле?

– В целом, спаси ты господи, да! – шёпотом подтвердил мятежный дьяк.

Митяй под моим укоризненным взглядом тут же отошёл в сторону. По лицу его было видно, что он лично дьяку Фильке не верит ни на грош.

– А можно я его спрошу, когда на маменьке моей энта морда хитрая жениться намерен? Ежели нет, дак я его сей же час своею рукой выкину и на Северном полюсе закопаю!

Гражданин Груздев скроил самое великомученическое выражение лица, на которое только был способен, и спросил:

– Нешто в вас, аспиды милицейские, ни единой капельки сострадания нет? Я ж вас от лихих людей грудью закрыл, на нож пошёл, живота не жалел, а вы меня... эдак-то... при всех насилком жениться заставляете... Перебор-с!

Даже мне пришлось мысленно согласиться, что это чрезмерно суровое наказание. Вслух я, конечно, этого не сказал, но подмигнул Мите, приказывая отпустить задержанного.

С бабкой всё было сложнее. Мы пустили избушку вперёд ровным шагом и вдвоём присели на крылечке. Тот же Митя вынес нам по кружке горячего чаю с малиной. Разговорились не сразу.

– Стало быть, раз уж так карта легла и выкинуть соглядатая боярского мы не можем, так и ты имей в виду, участковый, ответственность за энтоту прощелыгу бородатого я брать не стану. Коли сгинет где, не моя беда!

Пожав плечами, я кивнул. В конце концов, любой поход – дело опасное и непредсказуемое. На Руси быстро проникаешься понятием некоего легкомысленного фатализма, так что, как говорится, уж будь что будет, и ладно.

– Лучше расскажите, куда мы конкретно направляемся и какие лично у вас планы по ведению расследования? Мы ищем могилу?

– Не спеши, Никитушка. – Маленькими глотками прихлёбывая чай, Баба-яга задумчиво глядела вдаль на расстилающиеся до горизонта крестьянские поля, перелески, одинокие деревеньки и проплывающие над ними кучерявые облака. Я поддержал вопросительную паузу. – Тут ведь какое дело. Когда мы при Кнута Плётковиче...

– Гамсуновиче.

– Да мне без разницы, – привычно отмахнулась моя домохозяйка. – Когда мы при нём то колдовство экспертизное творили, вода в миске помутнела, но не покраснела.

– И что?

– А то! Кабы не мёртв он, но и не жив. Тока деталей с меня не спрашивай, сама знать не знаю, как оно такое быть может.

– В смысле этот красавчик уже лет двести спит себе в хрустальном гробу и ждёт, когда его разбудит поцелуй прекрасной принцессы?

– Да тьфу на тебя, Никитка! Вот уж выдумываешь сказки. На деле-то боюсь, кабы всё энтот расследование нам не так сахарно обернулось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.